

ЭФФЕКТ БУМЕРАНГА 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

В. ПАДАЛИЦА

18+

Виктория Падалица

Эффект бумеранга. Часть вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Падалица В.

Эффект бумеранга. Часть вторая / В. Падалица — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В данный момент мне кажется, что мы с Романом подходим друг другу, причем идеально. Мы будто две половины одного целого, как бы дико и неправильно это не прозвучало. Вполне возможно, что завтра я проснусь с этой глупой мыслью и первым делом покручу у виска и посмеюсь с самой себя. А возможно, что и нет. Но... Как тут думать иначе, когда судьба сама все решила за нас? Заключительная часть. Содержит нецензурную брань.

© Падалица В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://www.pexels.com> по лицензии ССО для личного и коммерческого использования.

Пролог

– Ну что, еще по одной, Любаш, и спаточки?

– Свет, мне хватит, правда.

– Ты у нас останешься сегодня? Или я обижусь. Сильно обижусь. Смотри, я тебя предупредила.

Я все понимаю. Ну и или почти все. Кроме одного: куда укладывать Любовь Михайловну? Мама вообще головой не думает, похоже. У нас же все кровати с диванами заняты. Не на полу же важной гостье стелить?

Вернулась я домой вся заплаканная, так и не ведая, в каких масштабах расцарапала лицо Роману. Но, судя по тому, во что превратились мои руки, ему не повезло, от слова, совсем. Так и не решилась поглядеть на результат своих стараний. Но зато поняла, в какой агонии колотился Роман, когда осмыслил, что натворил в ту ночь.

Роман довел меня до квартиры, но заходить со мной не стал. Понятно, в таком виде, да еще в порванной рубашке ему нельзя показываться не только перед Ариной, но и перед своей матерью. Да и моя мама хай бы такой подняла, что всех соседей пробудила бы.

И что бы я сказала Любове Михайловне, если б она увидела сына в таком состоянии? Да, пронесло, не увидела. Но увидит же. Не сегодня, так завтра увидит. Как буду в глаза его матери смотреть завтра? Она ведь добра мне желает, переступив через себя, пришла сюда и выложила все, как есть, без испуга и без прикрас, чтобы попытаться достучаться до нас всех и упрасивать не пороть горячку.

А я же в ответ на ее доброту поступила более чем подло и эгоистично. Да еще и Романа отпустила, не зная, сможет ли он машину вести после такого. А вдруг он в обморок снова упадет, и вторая авария будет? И я останусь в том виновата.

Надеюсь, в этот раз обойдется. Буду наивно верить, что он завтра сам позвонит и скажет, что доехал без происшествий и что с ним все в порядке.

Постояв в ванной, потупив какое-то время и смыв кровь с рук и лица, я сняла и завернула в пакет кольца, из которых от ударов повывлетали камни. Выбросила их в ведро, даже складывать, чтобы потом продать в качестве лома или отлить что-то более качественное, не стану. На этом золоте чужая кровь, не нужно его держать в доме.

Затем, насколько это было возможно, пригладила растрепанные и застывшие солнечными лучами, а точнее, лепестками мерзлого одуванчика после бомбёжки, пряди волос и вернулась на кухню.

Присела на табурет рядом с бабушками-выпивохами, гляжу на них с тоской и непониманием.

А эти две пьянчужки, мама и Любовь Михайловна, до сих пор обсуждают, останется она у нас или нет.

– Так неудобно вас стеснять... – монотонно гудела Любовь Михайловна. – У вас и так в квартире места нет. Но, и чтобы Ромка меня забирал, не хочу. Извините, но я лучше тут останусь. Такой он меня еще не видел.

Любовь Михайловна икнула в подтверждение тому, что накидалась более чем прилично, а затем залилась краской. Комично она выглядит сейчас.

Я и представить не могла, что Любовь Михайловна способна пить до победного состояния «нестояния». Это все моя мама ее, правильную, надоумила талант в себе новый открыть. Моя мама непьющая, конечно, но, если ей налить, перепьет любого, даже самого стойкого мужика, у которого в том занятии богатый и очень завидный опыт. Как говорится, глотка у нее луженая, а язык всегда как помело, и алкоголь в крови для того излишен.

Я же никого не трогаю, сижу и думаю о своем. Делаю вид, что слушаю их. Тело мое здесь, а вот мысли сейчас там, где Роман. Интересно, как далеко он отъехал? И отъехал ли? Встать, чтобы поглядеть в окно, стоит ли там его машина, не хочу и не могу. Ноги не держат.

– Даша, а где Рома?

Спусти какое-то время я медленно повернулась на голос.

Любовь Михайловна пьяно тарашится на меня и что-то бегло говорит при этом. Слышу отчасти ее штилевые фразы, отчасти бульканье, будто под водой нахожусь. Я где-то на глубине сейчас плаваю, потому что уши неслабо закладывает. Скорее всего, давление подскочило, надо бы померить. Перенервничала я знатно.

– Почему он не зашел, Дашенька? Ты его непустила? И что это с тобой? Странно ты выглядишь.

– И правда... – мама моя тоже сконцентрировала на мне пристальное внимание, а затем расхохоталась. – Где ты лазила, красотка? Вы с Ромкой, что, подрались или ступеньки вместе пересчитали, а поделить поровну хотели, но не смогли? А прическа у тебя... Ишь, как пудель нечесаный. Что сидишь, глаза навекате? Блым-блым, блым-блым... Ой, не могу с тебя! Ты б себя видела сейчас, дочка! Улыбнись, зубы ж при тебе остались! А дружеский Бобслей – это не про вас с Ромкой, предпочитаете экстремальное одиночное катание. Ромка, дай угадаю, зубами по бетону проехался, а ты – пальцами, а затем патлами подмела, чтобы уж наверняка выделиться и обойти его по очкам. А надо тебе было, только поняла, что падать собираешься, на шею к нему запрыгивать, за уши хватать и рулить ими. Смелости не хватило, что ли? Или думала, что Ромка этого позора не стерпит? – мама сообразила, что ее словечки меня не веселят, а потому прокашлялась и продолжала начатую тему, но уже всерьез. – Ладно, отстаю, шуток ты все равно не понимаешь. Даша, угрюмая ты наша. Так как все случилось, расскажи по порядку.

– Ну почти так... Ничего от вас не скроешь, блин. Ну упала я. Роман не зашел, потому что поехал домой. Спешил он. Мы обсудили с ним кое-что, и разошлись. В общем-то, так все и было...

М-да, вру я очень неубедительно и тяготно, но отвечать более-менее внятно все же придется, чтобы не вызвать у них никаких подозрений, хоть и нет смысла отнекиваться и спорить с теорией «не в бровь, а в глаз» в мамином исполнении. Глядя на мои руки, создается такое впечатление, что к Роману я по дереву спустилась, а не на лифте. Причем, быстро спустилась, без помощи ног.

– Хорошо ты упала. Это из разряда «рожденный ползать»... Когда ж ты летать научишься уже и сдрынешь из-под моей юбки. Ой, быстрее б тебя мужу отдать, пусть он терпит твои заскоки вместе с плохим настроением. – мама развела руками, продолжая при этом ехидничать и ржать как конь. – Удивительно, что лицо твое уцелело после смертельного номера. А говорят, пьяным падать безопасней. Где-то я читала, как один дурак выпрыгнул из окна высотки, будучи нетрезвым, и выжил. Встал и пошел, представляете? Вот чудеса науки! А был бы трезвым, шлепнулся б, и поминай как звали. Костяную лепешку б соскребали с асфальта. Небось, и Ромка рядом с тобой упал, если не на тебя сверху. Кровь, смотрю, на тебе чужая. Вон на кофте пятна, а лицо, как ни странно, не побитое. Ромка нос разбил, что ли?

– Наверное. Разбил нос и вытер об меня. Или губу... Мы оба поскользнулись на катке перед подъездом и какое-то время пролежали в обмороке. Потому я не особо помню, что случилось.

– Судя по твоему, дюже унылому настроению, разговор о важном почти удался. Ну и? – мама придвинулась ближе и уставилась на мои руки. – Теперь вы все между собой порешали? Мир, дружба, жвачка? Когда свадьба, обговорили хоть?

– Наверное, ее не будет. Свадьбы этой. – я опустила взгляд и глубоко вздохнула. Стыдно мне. Роман меня, идиотку, теперь стороной обходить будет. Небось, жалеет, что жениться на

мне хотел и что дочка у нас есть общая. – Если Роман захочет, то я соглашусь. Но он вряд ли захочет, потому и я не хочу настраиваться на хорошее. Лучше уж не надеяться, чтобы потом не огорчаться...

– А почему он должен передумать? – мама, восторженно, погладила меня по голове. – Ромка же не из тех павлинов, у кого семь пятниц на неделе. Правильно я поняла, Любаш? Они с Женькой твоим разные?

– Ромка другой, не такой как Женя. Так ты решила с ним попробовать налаживать контакт, Даша? – Любовь Михайловна, услышав в моих речах то заветное, сразу повеселела. – Я так рада за вас, мои милые. Простила его? Ну или...

– Я просто согласна выйти за Романа. Насчет «простить» пока не думала. Это и многое другое нужно решать на трезвую голову. Но зато теперь мы оба виноваты, а не только он. Вы уж извините, но это я так, к слову. – налила себе вина, которое теперь стояло на столе взамен распитому коньяку, и, осушив рюмку залпом, даже не поморщилась. Незаметно влезла в меня та порция, надо бы повторить, а то и вкуса почувствовать не успела.

Не могу сказать ни себе, ни им, что простила Романа. Не простила, и ему ничего внятного не ответила. Просто смолчала, потому как не хотела его обижать. И так вон, что вычудила со своим внезапным вторым дыханием и пьяным рассудком, который руководил моим поступками, а теперь со стыда сгораю... Сейчас-то я понимаю, что сглупила, можно было как-то иначе попытаться искоренить в себе чувство неловкости и победить страх.

В итоге, я показала себя не с лучшей стороны, но, тем не менее, дело уже сделано, и назад время не повернуть. Женщину, как говорится, украшает ее слабость и женственность, а мускулинность, навязанная извне, отбирает то естественное, что нам, женщинам, присуще и дано самой природой. Именно женская слабость привлекает сильных мужчин и побуждает их проявлять заботу и внимание.

А моя же слабость и женственность приказали долго жить. И теперь мы с Романом оба монстры, потому я и не строю из себя ангела, у которого однажды насильно отобрали и сожгли крылья на моих же глазах. Не ангел я, и никогда им не была. Все мы люди не без греха, но по сути, в чем-то я куда хуже Романа. Он хотя бы всегда жил правильно и оступился всего лишь раз, а я только и делаю, что допускаю ошибки. Сколько себя помню, мама меня практически не хвалила, только отчитывала. То я не так сделала, это не так... А я не исправлялась, просто шла напролом, терпела придирки и показывала при этом, что мне все равно. На самом же деле мне не хватало похвалы всегда, потому и выросла я такой твердолюбой.

Сейчас так и подавно хвалиться нечем. Не поймут они меня, если скажу, как все произошло на самом деле, и откуда на моей кофте взялась кровь Романа. Боюсь даже глядеть, что стало с пуховиком, если и на кофту попало немало.

Бедный Роман... С другой стороны, у мужчин кровь не обновляется, а я ему, считай, дала шанс избавиться от всяких там гадостей, что в его крови поселились. Теперь почувствует себя лучше...

Успокаивай себя дальше, Дарья. Ты даже не знаешь, выжил он или нет. Идиотка... Надо было хоть кольца не надевать. Поздно раскаиваться и думать, как надо было поступить, когда самооценка твоя упала и находится где-то между полом и земным ядром, а Роман уже пострадал. Руки мои до сих пор пламенем горят. Кажется, я их отсушила, а потом слишком долго подержала в снегу, хоть и не чувствовала холода, иначе бы вытащила их и не издевалась над собой. Жарко мне тогда было настолько нестерпимо, что разделась бы догола, если бы не Роман, который стоял рядом и обнимал меня, не давая этого сделать. Но сейчас это жгучее ощущение мало-мальски, а прошло. Огонь внутри погас, оставив взамен чувство опустошенности и никчемности; обугленное пепелище вместо души, пустое и нафиг никому не нужное.

Это ведь правда. Я никому не нужна, даже себе.

Мне страшно оттого, что я могла убить и при этом чувствовала отраду и необычайный прилив сил. Я способна улыбаться и при этом наносить удары. Сегодня руками, а завтра в руках моих может оказаться нож...

Эта жуткая истина хлещет больнее любой, даже самой жесткой плети, да и зародившийся во мне процесс проявления жестокости как способа утвердиться перед другими, печален, но уже необратим.

Я знаю, что смогу повторить это снова, но смогу ли сдержаться, если в следующий раз почую, что жертва проявила слабость, развязывая мне этим руки?

Тяжело это признавать, но, победив один страх, я заимела другой. Я начала бояться саму себя.

Только маме и Арише я нужна такая дурная, и то пока они не узнали, что я наделала, когда ненадолго отлучалась.

Мама, выложи я ей правду с порога, сразу дала б мне по голове, затем бы связала и вызвала неотложку, чтобы меня, неуравновешенную психичку, оградить от ребенка и пролечить как следует до состояния безобидного овоща. Если б не выбила из меня дурь самостоятельно, а она вполне на это способна...

Раздумываю о насущном, перетираю все это по несколько раз и начинаю потихоньку понимать, что мы с Романом не такие уж разные люди, если присмотреться повнимательнее. Роман тоже никому не нужен, кроме матери, брата и Арины.

Мы похожи с ним не только в этом: мы оба неправильные, оба дикари по отношению к нормальной человеческой любви и заботе. Нас предали и продолжают предавать, нас как не понимали, так и не понимают; а мы, как можем, так и влачим свое существование, невзирая на камни, попадающиеся на пути, и об которые мы то и дело спотыкаемся, но все равно движемся вперед.

В данный момент мне кажется, что мы с Романом подходим друг другу, причем идеально. Мы будто две половины одного целого, как бы дико и неправильно это не прозвучало. Вполне возможно, что завтра я проснусь с этой глупой мыслью и первым делом покручу у виска и посмеюсь с самой себя.

А возможно, что и нет. Потому что мне так думать комфортно и просто, мне хочется знать наверняка, что я, наконец-то, села в свой поезд, на котором доберусь до конечной станции, и не будет больше никаких пересадок. Мне нравится видеть в Романи образ того человека, который создан только для меня и любит только меня, проще представлять, что Роман и есть тот самый принц, которого ждала. Причина этому вполне логична: ведь я замуж за него иду, жизнь с ним связываю, да и дочь свою единственную родила от него же. Как тут думать иначе, когда судьба сама все решила за нас?

Только бы Роман не передумал... Я бы на его месте бежала куда подальше от такой жены, которая может и задушить ни с того ни с сего, и яду подсыпать, припомнив старые обиды, и топором зарубить, пока спит.

Мне же так не хочется, чтобы Роман исчез после всего, что мы пережили вместе. Не уверена в том, что Роман не уйдет, но и удерживать не стану, гордость не позволит так опускаться.

Такая вот загвоздка...

— Даш, ну ты с Аришкой тогда примостишься. — мамин голос отвлек меня от риторических рассуждений, которые все успешней заводили мой разум в тупик. — А Люба на твоей скрипучей койке, где пружины в попу упираются, поспит, лады?

— Лады. — кивнув маме, я криво, но искренне улыбнулась при упоминании о своем любимом «царском ложе».

Пружина та гадкая уже несколько лет как впивается туда, куда ее не просят, а на новую кровать жалко тратиться. Буду спать на старой до тех пор, пока каркас не просядет так, что моя спина достанет до пола. Эта кровать пришла ко мне из детства. Сколько себя помню, всегда

на ней только и спала. Еще одеяло любила из верблюжьей шерсти, зеленое в шашечку. Одеяло то давно как моль пожрала, а кровать прошла со мной сквозь годы и осталась. Память, все-таки... трудно расстаться с тем, что напоминает о детстве.

Взяв кружку с полки, я подставила ее поближе к бутылке и подмигнула маме, намекая на продолжение пьяного банкета. Рюмка с кокольной дозой сейчас слишком мала, чтобы реанимировать меня и вернуть к полноценной жизни.

– Наливай, только с горкой. Ты умеешь, я знаю. Составлю вам компанию. Пока спать не хочу.

Не последую я совету Романа, не пойду купаться и спать, чтобы проснуться завтра иной. Другая жизнь мне не нужна и даром, поняла это с запозданием, правда. Я хочу жить там, где есть и будет он. Только там и только с ним.

Роман Быков, прежде мой заклятый враг, к которому испытывала глубокую ненависть и очень ранимую тягу, а ныне мой будущий муж, которого я, как ни крути и не буйствуй, не хочу терять.

Не знаю, получится ли у нас создать семью в обычном понимании этого слова. Но я хочу попытаться ему понравится, хочу угодить ему как жена, хочу, чтобы он был рядом со мной и дал Арине замечательное будущее. Роман мне нужен куда больше, чем я могла представить себе когда-то с другими. Ни один мужчина так меня не цеплял, ни к кому я так не тяготела и не привязывалась. Хочу видеть Романа только таким, каким привыкла его видеть, со всеми его недостатками, пошлыми намеками и смешками. Даже буду рада слышать его издевательское «моя хорошая» хоть каждый час, пусть Роман только обнимет меня еще, спокойствие подарит и погладит по макушке, как сделал сегодня. Как же с ним уютно рядом находиться, когда мы оба молчим и ни о чем друг другу не напоминаем...

Роман обязан понять, почему я сорвалась, и не должен отказаться от брака. Не может же он просто взять и испариться после всего, ведь пообещал, что поможет мне справиться с душевной болью и прогнать тоску.

Зря я себя накручиваю плохими мыслями, ведь завтра Роман позвонит обязательно. Он не относится к той категории людей, которые бросают слова на ветер.

Полночи я слушала, как поют за стенкой наши приличные бабушки. Они так и не легли спать, сидели и горланили то хиты их бурной молодости, то о своем, бабушкинском, перетирали. Слишком много тем для разговоров эти неугомонные женщины подняли за раз, и до следующего утра их обсудить времени не хватит, даже если очень хорошо постараться.

Когда кто-то из них начинал впадать в грусть и монотонно вздыхать, другая запевала песню. Особенно популярностью пользовались «Зачем вы девочки, красивых любите?» и «Черный ворон». Именно эти две песни бабули по-солдатски чеканили с периодичностью через две других, менее плаксивых и более современных. Ну и Лолита с ее «Пошлю его на небо за звездочкой» разок проскакивала в меню, правда, дальше припева дело у них не двинулось.

Арина спит крепко, ей все равно, что конкретно ее бабушки распевают и распивают сейчас. Соседям, кажется, их народное творчество тоже спать не мешает. До сих никто не постучал в стену или в дверь с угрозами вызвать полицию, если они не смолкнут.

А я лежу на полу, чтобы перегаром на дочь не дышать, и тихо смеюсь в подушку. Удивительные они женщины! И как моя мама раньше не разглядела в Любви Михайловне родственную душу? Да такую родственную, что не оторвешь их теперь друг от дружки. А говорила, что выдержга она старая, не общайся с ней и с остальными Быковыми. Угу, а теперь что?

Откинув логику и заткнув уши, я позволила себе шалость и представила, что Роман тоже здесь, со мной в этой комнате. Почему-то мне очень сильно захотелось, чтобы он сидел с нами и увидел все это собственными глазами. Представила, как бы он отреагировал, лицезрев Любовь

Михайловну в таком виде. Но я бы отвлекла его кое чем другим, более важным. Ну и рядом бы мы спали сейчас, вдвоем с дочкой.

Лежу и мечтаю, поглаживаю свою руку и представляю, что это делает Роман. Теплом приятным веет от той невероятной и противоречащей прежним суждениям мысли, почему-то. Страх мой многолетний улетучился, гнев сгинул вместе со страхом. Мне спокойно на душе, легко и уютно. Роман же пообещал, что так случится. Выговорила от души, если так можно назвать мой слет с катушек, и полегчало.

В конце концов, это когда-нибудь должно было произойти. Психологический эффект бумеранга сработал безотказно. Много кто меня третировал, гнобил и пытался раздавить. Я же годами терпела все это и не позволяла себе такой роскоши взять и выплеснуть наружу истинные эмоции. Никогда не давала никому сдачи, просто принимала любые удары от судьбы и от людей. А тут раз, и неконтролируемый взрыв, а за ним наступило облегчение. Роман ведь еще в прошлом году говорил о том, что мне необходимо выговориться. Как в воду глядел... Лучше бы я доверилась ему еще тогда, и не было бы всего этого.

Худо-бедно, с ошибками и тумаками, но половина пути осталась за спиной. Впереди самое основное: как и когда познакомить Арину с отцом. И тут снова возникает проблема... Не хочу в этом деле торопиться, а на меня давят со всех сторон, не давая тянуть резину дальше. Наверное, все дело в том, что я хочу решить сама, когда и как это сделать, а у меня снова и снова отбирают право выбора.

А может, это я слишком медлительна, или же все вокруг меня спешат? Но все равно я мать, а значит, последнее слово должно быть за мной, и только за мной. Встреча Арины и Романа должна пройти в моем присутствии. Я так хочу. Нет, не боюсь, что что-то между ними может пойти не так. Всего лишь хочу поглядеть на этих двух счастливицев. Позавидую своей дочке белой завистью и всплакну втихую, ведь мне за свои тридцать лет так и не посчастливилось увидеть родного отца и поговорить с ним хотя бы минуту. Даже фотографий его ни разу не видела. Мама сожгла все снимки, в том числе и свадебные, а памятные вещи его выбросила.

А вот у Ариши моя печальная история не повторилась и уже не повторится, хоть я и проводила вполне четкую и устойчивую параллель с собственной жизненной ситуацией и ситуацией дочери. Арише повезло в сотни раз больше, чем мне, ведь у нее есть отец, который ее любит и которому не плевать, как она и что с ней. А это о многом говорит. По крайней мере, для меня, никогда не знавшей, что такое папина любовь. А дочь моя этого заслуживает и вполне может узнать.

Я готова поделиться с Романом собственным смыслом жизни. Пусть приходит к нам. Завтра же обрадую его, как только доберусь до офиса.

Глава 1

Пора менять друзей и что-то в себе.

Менять паденье на полеты...

ВИАгра, «Сумасшедший».

Дарья.

Вопреки моим грандиозным планам, Роман в понедельник и даже во вторник не появился ни в офисе, ни у нас дома. Не звонил, не писал, не приходил. Пропал бесследно тот лечебный кот, как будто и не было его.

А всё я ждала и ждала, впуская считая дни и не выпуская из рук мобильник, и даже ночью держала его под подушкой, чтобы не пропустить звонка. Волновалась страшно, куда исчез Роман, и все ли с ним хорошо, но позвонить самой было совсем уж неловко и стыдно.

Видимо, зря я так беспечно понадеялась на то, что Роман не передумал на мне жениться. Он, как мне видится, посидел в одиночестве, поразмыслил хорошенько, на какой кошмар подписался, и понял, что ему это не надо.

Что и требовалось ожидать, Роман отвернулся от меня так же легко, как и поворачивался. Либо же он ждет, что я сама сделаю первый шаг и позвоню. Возможно, это так. Но я, как женщина, жду первого шага от мужчины, и сама не стану напрашиваться на общение, если ему этого не нужно. По-моему, это вполне логично.

Но почему же Роман молчит? Неужели тяжело кратко обозначить ту причину хотя в сообщении, а после молчать себе дальше сколько приспичит? Может быть и такое, что дело вовсе не в отказе Романа от брака, и в его поведении имеется несколько иное основание, о котором я не предполагаю. Но как узнать наверняка, если я стесняюсь ему позвонить и напомнить о себе?

Возможность выяснить мучившую меня причину я получила уже во вторник и немедленно воспользовалась этим шансом.

Вечером мы с Аришей прибыли в гости к ее бабушке, Любови Михайловне Быковой. Та еще днем по телефону упростила меня остаться у нее на ночь. Аргумент для того привела нерушимый: она же в нашей квартире ночевала, стесняла нас своей чудосочной тушкой, а теперь настала наша очередь. Потеснить Любовь Михайловну, конечно же, не получится, ведь в доме ее два этажа и куча комнат, но компанию мы составим с большим удовольствием.

Дочка моя, только переступила порог шикарного особняка, сразу взялась третировать свою бабушку расспросами о том, где папа и почему его нет здесь.

Любовь Михайловна поначалу отмалчивалась, как партизан на допросе. Благо, эта неудачная пародия на «скользкого ужа, извивающегося на сковородке» продлилась недолго; Ариша ее, молчунью, разговорила после того, как в обиду надула губки. Та и растаяла.

В итоге, Любовь Михайловна сдалась, но не совсем; принялась лгать не краснея, что дела рабочие ее сына поработили, и ему пришлось срочно уехать в главный офис, потому как он настолько незаменим, что без него там ничего не сдвинется с мертвой точки. Насколько затянутся те невероятно важные дела сына, Любовь Михайловна не располагает ни подробной информацией, ни хотя бы ориентировочной. В общем, отделалась она обтекаемыми фразами, которые обычно прокатывают.

Ариша в тот бред бабушки, совершенно не умеющей врать красиво и гладко, поверила, а я вот не настолько доверчивая особа. Для меня это вообще не отговорка, а пустой треп как реакция на приставучие раздражители, чтобы мы поскорее от нее отвязались.

Насколько сильно Роман занят, что даже сообщение написать некогда? Не верю, и все тут. Но придется закрыть эту тему, ведь правды от его матери все равно не добиться.

Накормив нас с Аришей до отвала, Любовь Михайловна предложила переместиться в гостиную и закончить ужин чаепитием там.

Пока мы с дочкой заворуженно наблюдали за тем, как потрескивают поленья в удивительно красивом камине, а это зрелище и впрямь затягивало, нещадно убивая время, Любовь Михайловна вошла в комнату с подносом, на котором уместились три чашки, чайничек, гора выпечки и шоколадных конфет, которые любит ее сын. Так пояснила Любовь Михайловна, заметив мой интерес при виде знакомой обертки.

Роман знает толк в шоколаде, и, кажется, я начинаю понимать, почему. Гормон радости он, как мужчина, обделенный женским вниманием, берет только из шоколада. Мне даже жаль его, озабоченного беднягу.

Хорошо, что Быковы к полноте не склонны, а то раздуло бы Романа за восемь лет уплетания сладостей вместо удовлетворения сексуальных потребностей, да так раздуло бы, что двери в офисе пришлось бы расширять, чтобы Роман смог попасть в кабинет.

– Ну, мои хорошие? Вам нравится у меня дома?

– Да, баба Люба! У вас классно! – Ариша громко облизнулась при виде шоколада и, в предвкушении бесконтрольного поедания того, чего не разрешает в большом количестве есть мама, то бишь я, но позволяет бабушка, а потому мама смолчит, потешно потерла ручки.

– Кушай на здоровье, внученька. Раста на радость своим родителям и нам, бабушкам твоим. Мы все тебя очень любим. Никогда об этом не забывай.

Любовь Михайловна поцеловала Аришу в макушку, а затем разлила чай по чашкам.

Только села в кресло, ей пришла в голову гениальная идея; задумчивый вид ее сразу бросился в глаза. Помычав пару мгновений, Любовь Михайловна щелкнула пальцами и подошла к стеклянному шкафу, какое-то время водив взглядом по полкам. Отыскав то, что нужно, она достала толстый фотоальбом в кожаном переплете темно-синего цвета и вернулась к нам.

Я подвинулась и села на край дивана, чтобы дать возможность Любви Михайловне поместиться между мной и Аришей.

Сейчас будем смотреть семейные фотографии четы Быковых... Так я подумала поначалу, но на самом деле, как узнала немного позже, этот альбом был посвящен всего одному человеку.

Любовь Михайловна, любовно погладив обложку, открыла альбом на первой странице и повернулась к Арише.

На старой черно-белой фотографии был изображен голенький мальчик, лежащий попой кверху, довольно милый, щекастый и улыбающийся.

– Посмотри, Ариночка, это самая первая фотография твоего папы.

Этот мелкий складчатый карапуз, больше напоминающий беззубого, но до опупения счастливого шарпея, и есть тот самый Роман? Хмурый и дотошный тип, которого я знаю?

Присмотрелась к чертам лица ребенка повнимательней, еле сдерживая при этом умиление, готовое вот-вот показаться на лице, но не скрываемое взглядом. Какой Роман был хорошенький, когда кусаться не умел. Весь излучает счастье, даже попа его, кажется, улыбается.

– Когда он был маленький, ползал везде и всюду. Очень любил укрываться тазиком. Да! – Аришка рассмеялась, а Любовь Михайловна продолжала рассказывать историю о темного прошлого ее сына. – Вот перевернет тазик дном кверху, залезет в этот домик, спрячется и сидит молча. Час сидит, два сидит, а мы с папой бегаем по дому с криками и ищем его. Думаем, ребенок наш пропал или украл кто. А еще твой папа, Ариночка, очень старательно прятал от нас соски-пустышки. Помню, как я отучала его, отберу все соски и в кроватку его спать укладываю. Время проходит, слышу «чмок-чмок». Подхожу к кроватке, нету соски. Сын спит. Только отошла, опять «чмок-чмок». На третий раз я встала у двери и прислушиваюсь. Так папа твой, оказывается, понюхает соски под подушку, под матрас и ждет, когда я уйду. Обна-

ружила я столько сосок, и самые первые где-то он отыскал, были. Запас стратегический был в кровати. Вот такой вот у тебя папа бережливый. С ним не пропадешь...

– Соски – это и наша больная тема. – с большой охотой я поддержала, хоть и давно утратившую силу, но изрядно наболевшую тему. – Как долго мы отучали Аришу, а она все не хотела расставаться с ними. Думали, безнадежно, уже в садик с соской пойдем, но в какой-то момент до Ариши дошло, что это не красиво и что над ней будут смеяться, и сама отказалась от них.

– Нельзя так говорить насчет детей. Дети есть дети. Заставлять их ничего делать не надо. Они сами знают, когда наступает время осваивать одно занятие и бросать другое. Вот старший мой самостоятельно изъявил желание помогать мне по дому, в отличие от младшего, который до сих пор этого не делает. Я обоих воспитала так, что дела домашние – сугубо женское дело, а мужчины даже посуду мыть не обязаны, не то, что пыль протереть или погладить занавески. А вот сынок мой старший, папа твой, Ариночка, когда его папа погиб, понял сразу, как мне тяжело управляться одной, и помогал мне морально и физически. Чем старше он становился, тем усердней старался. Работал и учился, ведь денег не хватало. Золото, а не сын. Горжусь им и буду гордиться. А Женя как был маленьким и капризным, так и остался. Ну ладно, что-то мы вперед сильно забежали. Давайте по порядку обо всем.

Любовь Михайловна медленно перелистывала страницы альбома, подолгу останавливаясь на каждой фотографии и что-то рассказывая. С каждым снимком была связана определенная, эмоционально подкрашенная история из жизни Романа.

Память у Любви Михайловны отменная, даже я много чего не помню уже из раннего детства дочери, хоть это было относительно недавно, если сравнивать с детством ее отца.

По мере того, как черно-белые фотографии закончились и сменились цветными, я начала понемногу улавливать очевидное сходство Романа нынешнего и тогдашнего. Ну а если смотреть на его образ в целом, то можно подумать, что это два разных человека. Жизнь его знатно потрепала, не позавидуешь.

Слушая о его школьных годах, первых пятерках, двойках, поступлению в университет и прочем, мало интересующем меня, я мысленно приближала тот момент, когда дело дойдет до взрослых фотографий Романа. Но альбом был невероятно толстый и забитый, кажется битком. Любил Роман фотографироваться до аварии, да и ни на одной фотографии я не видела его грустным или серьезным. Всегда улыбка до ушей и открытый добрый взгляд.

Не то, что сейчас...

Подобравшись, спустя несколько минут, показавшихся для меня вечностью, к его взрослой жизни и первых днях работы в офисе, в котором он сейчас числится как заместитель генерального директора и где закончилась юность и началась его молодость, меня так некстати отвлек телефонный звонок.

Мама моя беспокоится, что нас так долго нет, на часах уже половина девятого вечера. А я забыла позвонить ей, замоталась совсем. Да и расстроилась я, что Романа нет в доме у матери, вот и вылетело из головы то важное.

Чтобы не отвлекать Любовь Михайловну от рассказа и не мешать им, я вышла из комнаты. Надеюсь, что я не пропущу историю о том, как Роман женился.

Мама моя даже обрадовалась, что мы сегодня не придем и завалила меня отчетами о том, как сегодня встретила с соседкой и как она нам теперь завидует. Сказала, что позовет в гости эту соседку Таньку, а в миру самую отъявленную сплетницу. Хочет похвастаться, что папа Арины вернулся со спецзадания. И то, что говорить другим соседям, она продумала до мелочей. Роман – суперкрутой спецгент, который участвовал в какой-то тайной разработке чего-то не менее секретного и побывал в плену.

Теперь о нас весь дом будет думать, как о героях боевика.

Ну мама даст... Ей бы в Аншлаге выступать, цены б не было.

Она не возражает против того, что мы находимся в доме Быковых, и Любовь Михайловна для нее больше не старая сварливая баба и не гримза со старческим маразмом, которую пора усыпить, чтобы не напрягала. Они с моей мамой теперь подружки закадычные.

Пока болтала с мамой, побродила по дому, оценивая все вокруг. Представила, что я здесь живу, в том доме, где прошло детство Романа.

Потом меня потянуло обратно в гостиную. Отлучалась я ненадолго, как показалось.

Любовь Михайловна тоже разговаривала по телефону. Рядом с ней сидит Ариша с закрытым альбомом, прижатым к груди, широченной улыбкой и сверкающими глазками, обращенными на бабушку.

Уж не Роману ли звонила та ушлая бабушка, пока меня не было?

Любовь Михайловна, только увидев, что я зашла и наблюдаю за тем, что она делает, тут же окончила разговор и соорудила на лице вид как ни в чем ни бывало.

– Ну что, продолжим рассказ?

Нам с дочкой выделили комнату Романа. Но на сей раз войдя туда, я не увидела инвалидной коляски, угол был пуст. Куда-то ее снесли, чтобы люд вроде меня не пугать и с толку не сбивать.

Ариша, разместившись на кровати, вся залипла на фотоальбоме. Моей дочери вполне комфортно находится здесь, в спальне, которая принадлежит Роману, лежать на кровати, на которой совсем недавно спал Роман. Она чувствует себя в своей тарелке, будто не в первый раз уже бывала тут.

А мне не по себе. Такое ощущение, что Роман вот-вот зайдет в комнату и увидит нас. Понимаю, что его нет ни в доме, ни в городе, но все равно внутри поселилось странное предчувствие: ощущение, что он здесь, не отпускает и тяготит, вдобавок ко всему прочему.

Глава 2

Дарья.

После купания Ариша не захотела расставаться с фотографиями отца. Улеглась прямо с ними, вся светится от счастья, на соседней подушке разместила открытый альбом, обняла его и уснула быстрее, чем я успела переодеться в рубашку Романа, которую отыскала в шкафу. Ни сказок Арише не надо, ни песенок в моем исполнении. Папа своего ребенка заочно убаюкал. Молодец, папа...

Я же не могу сомкнуть глаз. Лежу в его рубашке, аккуратно вытащила альбом из-под руки дочери, неслышно перелистывая страницы, рассматриваю по новой фотографии Романа в детстве, молодости, юности... Теперь могу и спокойно приблизить снимки к лицу, и смотреть на них сколько угодно, все равно об этом тайном желании никто не узнает.

А вот, ближе к середине, и свадебные фотографии пошли мелькать... Просмотрела я их по несколько раз, свирепо фыркая при этом. Шикарная свадьба у них была, меня аж жаба задушила, что такие твари, как его бывшая, были достойны сказки и нежности, а меня обделили. У меня и с Колей была всего роспись, по-студенчески отметили в квартире с друзьями, даже на платье свадебное не тратились. А эту Вероничку принцессой вырядили. Даже не принцессой, Королевишной!

И Роман какой красивый: галстук-бабочка, белый цветок живой из кармашка синего пиджака выглядывает, брюки белые, рубашка...

Роману так идет улыбка... Жаль, эта улыбка обращена к той Вероничке. Любил он ее безумно, это обидное сразу бросается в глаза при виде его счастливого лица и томного взгляда, обращенного к невесте.

Отвернулась я от снимков и тяжело вздохнула. Надо бы подумать о чем-то менее угрожающем. В конце концов, чего я злюсь? Я ведь знаю, что он был женат и по какой причине развелся, зачем же сейчас вздергиваться по пустякам?

Но, как бы я не старалась, глаза мои все равно тянулись в альбом и яростно сверлили Вероничку.

Нашла в себе последние силы и перелистала в самый конец. Да, внешне Роман сильно изменился. Практически до неузнаваемости. Вот взять хотя его последние фотографии, сделанные незадолго до нашего, так сказать, знакомства, ну совсем другой человек. За восемь лет грусти, боли и печали он стал не похож на себя: лицо в морщинах, шрам, холод в глазах. Не знаю, насколько велика вероятность того, что Арина узнает отца, если увидит его вживую.

А еще мне придется подбирать слова и искать нужный момент, чтобы объяснить Арине, что ее отца звать не Валерий, а Роман. Любовь Михайловна ни разу за вечер не назвала его Ромой, только папой или старшим сыном. Понятное дело, она считает, раз Арина знает о существовании отца, то и имя его знает.

Ну и что следует сказать дочери? Что у меня память короткая, и я забыла настоящее имя того мужика, от кого родила ребёнка, причем, первого и единственного? Или Роман, если идти по фантазии моей мамы и поддерживать ту безумную импровизацию, действительно служил в секретной разведке и скрывал свое истинное имя даже от меня? Если б знала его настоящее имя, не стала бы придумывать хоть какое, чтобы у отца Ариши имелось имя. Но Роман же сам это утаил, а я спрашивала, как его звать, вообще-то. Сам виноват, пусть сам и представляется теперь, а я сделала все, что могла.

Ладно, об этом нелегком задании я подумаю позже, а сейчас интересует другое. Даже не просто интересует, а покоя не дает... Снова перелистнула альбом на то место, где остановилась. Вслед за свадебными фотографиями пошли снимки их медового месяца. На каком-то море отдыхали. Вот оно что...

Теперь я хотя бы имею представление, как выглядит его хорошая Вероничка, бывшая неверная жена. Похожа на меня, и впрямь. Но более искусственная она, что ли, а я настоящая. Наверное, и посуду Вероничка никогда не мыла, и не плакала вовсе. Лицо гладкое, как будто фарфоровое, грудь торчит так, словно на подставке размещена, а не в тряпичных шторках дюже откровенного для замужней женщины купальника. Точно же, как под прямым углом грудь... А такое вообще бывает, если без операции? От трусов – тоже одно слово, так, веревочки и сзади, и спереди. Можно было и не надевать их, зачем портить загар?

А Роман рядом с этой Вероничкой на каждой фотографии, и в шортах чуть выше колена. Почему он не без шорт? Не соответствует развратной жене его скромный внешний вид. Но зато вниманием Роман жену не обделил: тут он ее целует в щечку, на следующей фотографии – в губы со всех ракурсов, потом уже в шею чмокает... листаю дальше, а тут Роман обнимает женушку сзади, тут сбоку примостился и тискает нежно, пальцы его на бедрах ее лежат...

Куда ни глянь, везде Роман бескрайне счастлив. Аж доводит до белого каления, что он был счастлив с этой выдрой! Дурак! Разве можно было так доверять ей?! Ой, дурак! Ну где ж ты раньше был, лет так десять назад???

Наверное, я должна была улыбнуться хоть разочек, пока рассматривала фотографии, которые излучали позитив. Однако, когда я увидела эту парочку вместе, да так близко, на душе стало не по себе. Осадок гнусный с привкусом горечи появился и никак не хотел уходить

До оскомины, просто... «Молодожены Быковы», «Рома и Ника», «Совет вам да любовь», «Наши любимые и прекрасные», и много чего другого было начёркано под снимками. Читая все это, жгуче сильно мне хотелось разорвать каждую фотографию пополам и оставить только половину с Романом, а с женой его выбросить в камин или по ветру развеять.

Кстати, удивило меня, почему эти фотографии не сожжены если не самим Романом, то его матерью? Зачем им нужна эта память? Может, Роман до сих пор к Вероничке что-то испытывает?

Ну точно испытывает! И они там сейчас, в главном офисе встретились, наверное, поговорили, вспомнили былые времена, поужинать вместе пошли, а он ее потом поцеловал, обнял так же кайфово, как и меня...

Кажется, я ревную, причем неслабенько так. Да я просто сгораю от ревности! Ой, не могу, как хочу рожу ей начистить! Была б эта Вероничка тут, я б ей все патлы ее идеальные повывидрала, а затем бы голову ее красивую оторвала и в окно выбросила, чтоб на жениха моего не глядела никогда больше! Пусть даже не надеется, швабра! А я все равно красивей и лучше, чем она!

Довольно странно испытывать подобное желание прибить кого-то из-за мужчины, а тем более, из-за Романа. Может, моя большая симпатия к нему незаметно переросла в более глубокое чувство, которое носит название «влюбленность»? Не уверена, правда ли это, ведь меня не устраивает придирчивый характер Романа, как таковой, но нравится сама внешность. При этом, я довольно-таки сносно отношусь к его недостаткам, хоть для кого-то они покажутся чудовищными. Вернее, я считаю, что это вовсе не недостатки, и меня не отпугивают его шрамы, не отпугивает протез и прочее, что у него есть и чего нет. А если я так отношусь к недостаткам мужчины, значит, во мне появилась любовь к этому мужчине?

Как так вышло, что я успела влюбиться в Романа, перескочив с первой отметки «симпатичен» и минуя срединное состояние «влюбленности»? Не могу этого объяснить логикой, хоть женской, хоть какой. Просто хочу, чтобы Роман был со мной. Чтоб он моим был мужем, а не чьим-то еще. Мне не страшно находиться с ним рядом, мной руководит интерес и желание почаще чувствовать его тепло, а еще лучше, чтобы это ощущение длилось постоянно. Вот теперь я жалею, что в машине не воспользовалась шансом целоваться с Романом подольше. Лучше бы другое сделала, чем руки распускала. Злобу бы свою в правильное русло направила.

Я боюсь остаться одной, полагаю, в этом причина моей агрессивности. С другой стороны, секс с тем, кто меня обидел и унизил, вряд бы помог справиться с психологической травмой, ведь я до сих пор не понимаю, как смогу раздеться перед Романом, и смогу ли вообще. Ну хочу же его, тело мое изнывает без ласки. Как понять себя? Только представлю, как его руки скользят по мне, гладят плечи, опускаются к бедрам, так сразу трясусь вся в нетерпении... Да стоит только мысленно подставить себя на место Веронички на снимках, и все, теряю контроль над собой. Массаж волшебный хочу в его исполнении, и уверена, что Роман и на эротический способен. Но и не могу пойти против себя, и разум неустанно вопит, что я никогда не смогу переступить через обиду и простить его, ведь та ситуация в любой момент может и повториться. Если однажды он ударил, значит, будет бить всегда... Это и останавливает. Только это.

Слышу, как моя дочка мерно посапывает, улыбается во сне, короткими периодами тихо хихикая. Сон приятный снится Арише. Небось, с отцом своим вместе сейчас.

Я же не знаю, как заставить себя успокоиться и не думать о Романе. Тоже хочу туда, где он. Жаль, не могу попасть в Аришино сновидение. Только представлять и остается. С воскресения уже и так представляю, что Роман рядом со мной находится, и спит и ест, и говорит, и обнимает, как в ту ночь: мы оба в снегу, на коленях стоим, в крови, греемся друг другом... В общем, я уже замужем, считай, только Роман о том не в курсе.

Не стала я делать так, как посоветовал Роман, и не проснулась я другой. В чем-то я изменилась, этого не скрыть, но улыбаться все равно не хочется. Его же нет, и смысла радоваться тоже нет. Скучаю по нему, хочу прогуляться с ним прямо сейчас и снова поскользнуться, и упасть в снег, облившись кофе. И чтобы Роман на меня упал, хочу, и в этот раз я бы его сама поцеловала. И не отпустила бы домой.

Так я и пролежала в мечтах о несбыточном, вдыхая ставший любимым запах его подушки, пока за окном не начало светать. Ближе к утру я уже нестерпимо ждала, чтобы Роман вошел в эту комнату, мысленно упрашивала его прийти поскорее и не мучить меня. Но этого не случилось. Даже дверь не скрипнула ни разу, а я на это очень надеялась. Нет Романа здесь.

Если отбросить бессонницу, хорошо в этом доме, спокойно, но мне пора вставать и топтать на работу, а Аришу – в садик собирать. Проблемы и обязанности суровых будней никто не отменял. Жаль, что безмятежная сказка для меня не длится вечно. Не то, что для некоторых Вероничек, которым все сошло с рук и до сих пор сходит...

За завтраком я выпросила у Любви Михайловны адрес Романа. Якобы, на всякий случай. И здесь, и в Краснодаре записала. Может, и приеду когда-нибудь.

И Арина загорелась желанием устроить папе неожиданный сюрприз. Ну что ж, поедем туда на выходные, если Роман сам не объявится на этой неделе. Заявимся без приглашения и обрадуем папочку, так сказать.

И все равно, что он побитый.

Подумаешь, побитый... Да к чему заикливаться на таких мелочах, когда хочется его увидеть, наконец-то! Он же обещал мне помочь. Так где же он? В этом заключается его помощь? Отлеживаться после битвы и зализывать раны в тишине и покое? Не помогает, лучше бы он вблизи маячил и снова задирал меня, надоедая «моей хорошей» и прочими плоскими намеками. Как же я соскучилась по всему этому! Ну где ты, Роман???

До выходных, однако, моей терпички не хватило. Уже через пару часов не удержалась и позвонила в главный офис, потому что Роман и в среду не пришел на работу.

На вопрос, могу ли я поговорить с Романом Яковлевичем Быковым, секретарша его ответила, что тот в данный момент находится в командировке в одном из филиалов и продиктовала номер телефона нашего директора.

Вежливая секретутка у Романа, на удивление, голос у нее молодой и свежий. Небось, красивая, стройная, высокая. А Роман выбирал для той должности модель с приятным голосом, как у работницы секса по телефону, специально же, чтобы глаза его радовала, уши и другие места...

Дарья, не нервничай, это всего лишь его сотрудник. Простой сотрудник.

Значит, на работе Роман не появлялся. И я сегодня с работы сбегу под предлогом, который потом придумаю. Поеду к Роману, погляжу, чем он там занят, что позвонить не может и сказать, все ли с ним в порядке. Может, в больницу попал или еще что-то, а мы не знаем, и мать его молчит.

В городе его нет, я проверила, полчаса звонила в квартиру. Значит, Роман в Краснодаре. Путь до Краснодара неблизкий, около четырехсот километров мне придется преодолеть ради того, чтобы увидеть Романа и спросить, как ему живется.

Да еще и метель, как назло, началась.

Ну что ж, я, как и следовало ожидать, не ищу легких путей, никогда не искала и не буду. Выставила навигатор на нужный адрес, улыбнулась себе в зеркале заднего вида и помчалась на всех порах. Сама с себя в шоке, но надо действовать, пока я в состоянии повлиять на ситуацию. Предчувствие у меня плохое, что-то может случиться, если я не поеду туда.

Глава 3

Дарья.

Безо всякого труда отыскав его дом, самый шикарный на улице с идеально убранной лужайкой, я припарковалась неподалеку и принялась ждать, придумывая план и более-менее логичный повод, чтобы заявиться к Роману в гости. Мне нужно сделать вид, что я приехала по делу, а не просто потому, что сильно волнуюсь и скучаю.

Но какие у меня могут быть с ним дела? Что-то насчет работы придумать не прокатит. Бумаги для отвода глаз не взяла, не додумалась. А так бы сказала, что срочно нужна его подпись. Неубедительно, дела фирмы могут подождать и его возвращения.

Тему о личном поднимать пока что не хотелось, пусть Роман сам идет мне на встречу теперь, раз обязался.

Кажется, я сама себя загнала в безвыходное положение. Вот черт, хоть бери и лови кого-то на улице, чтобы позвонили в звонок и спросили, дома ли Роман, и все ли с ним хорошо!

А жилье у него ничего так... Сомневаюсь, что он живет один в таком громадном домине, слуги уж точно имеются. А еще жирный кот у Романа есть, который всегда сыт. Да, я почти про него забыла.

И когда Роман успел снег вычистить? Вон у соседей лежит слоем в несколько сантиметров, а у него чисто, как будто и не было.

Пока сидела в машине и ждала не пойми чего, таращась на дверь и окна особняка, удача мне улыбнулась. Вернее, мне, наивной, подумалось так поначалу: джип Романа приблизился к дому и притормозил у кованых ворот.

Я уж было обрадовалась, но не тут-то было... Роман вышел из машины не один, а с какой-то девушкой, худенькой и элегантно одетой. Лица Романа я не разглядела, потому как Роман большую часть времени находился ко мне спиной, но успела заметить, что он был в черных очках.

А вот спутницу его привлекательную я хорошо разглядела. Слишком юна для него. Моложе меня. И худей. И волосы у нее лучше, чем мои: небось, ботоксом их напитала и заламинировала навечно. И губы с сиськами подкачала насосом, чтобы выпуклей был образ. И снова блондинка, как я и его жена.

Ну Роман... Даже с расцарапанной рожей умудряется кого-то из баб в дом приводить! А кто-то, помнится, распинался, что этот бедняга стесняется женского общества и обделен вниманием. И да, это были Женья и Любовь Михайловна. Но не Роман. Сейчас я вижу, как он стесняется, за талию ее трепетно лапает, в дом к себе заводит. Наговорили мне про Романа жалостливых речей, набрехали с три короба, а мне, идиотке, теперь сиди и изумляйся.

Удивительный аттракцион во мне открылся, американские горки какие-то, а не душевное равновесие... Только я к Роману потянулась, так он раз, и от меня деру дал, и к другой метнулся. А может, они вместе уже давно. Не знаю, как, но мне об этом необходимо вывести.

Пока я тут сижу и теряю время, сейчас в доме между этими двумя что-то будет происходить. Что-то очень пикантное.

Да и вообще, кто она такая, эта баба, чтоб мутить с отцом моей дочки и моим без пяти минут мужем? Может, она и не любовница его, а знакомая, подруга или садовница? Вряд ли это кто-то из работающего персонала, наряжена как леди, пальто не из дешевых.

Разместившись поудобнее, я снова стала выжидать и опять неизвестно какого поворота этой щекотливой истории. А вдруг еще что интересное увижу? Мало ли чем черт не шутит, когда мои глаза уже увидели такое, что мозги никак не усвоят.

Не ошиблась.

Роман вышел из дома минут через пятнадцать, а та девушка помахала ему рукой и закрыла за ним дверь. Так, значит, она ему не просто подруга. Но и вариант с прислугой не отменяется. Иначе зачем Роману оставлять ее в своем доме и куда-то отлучаться? Поеду-ка за ним, посмотрю, куда ему приспичило.

Роман далеко не уехал. Вижу, его пустой джип припаркован под торговым центром в нескольких улицах от дома.

А я, как назло, взяла слишком длинную дистанцию и упустила тот гиперважный момент, куда именно Роман пошел. Туда или нет? Здесь, помимо торгового центра, столько магазинов и кафе... Все обходить, что ли, теперь придется?

Ладно. Хватит на этом слезки. Пойду-ка я устрою себе углеводное самоубийство, обожрусь чем-нибудь вредным, чтобы пузо треснуло. Нехорошо, конечно, получится, но я хотя бы подумаю о другом. Либо я сама тресну от ревности. Роман мой жених, а не чей-то там! Как я могу сидеть на попе ровно, когда моего жениха из-под носа уводят?

Хлопнув дверью авто так, будто она заодно с моей конкуренткой, я угрюмо двинулась в самое ближайшее кафе.

Заказав пока что кофе, я присела у окна, без особого любопытства листая меню. И хочется заесть депрессию и обиду, но кусок в горло не лезет. Все в меню как-то не аппетитно выглядит, что ли. А хотя нет, все в меню так, как и должно выглядеть, только я бы другим кое-чем заела печальную печальку. Поцелуем сладким, к примеру, да вот нету тех губ, которые я бы хотела почувствовать сейчас.

И скоро их почувствую не я, а кое-кто другой, а я все жду с моря погоды. Будь я наглей, заявила бы к Роману домой, пока его нет, и устроила б разборки с той кралей. За шкирку б ее, и на улицу выкинула, чтоб не ходила по чужим мужьям. Но совесть мне не позволяет, да и мы не настолько близки с Романом, чтобы я могла так поступать и указывать, кому место в его доме, а кому туда дорога закрыта. Надо бы разведать для начала, в чем там дело, а то, может, я зря паникую. Подумаешь, Роман кого-то тискал на моих глазах... Подумаешь, она у него там сейчас сидит, небось, свечки романтические зажигает...

Дарья, не накручивай себя. Еще слишком рано паниковать. Никто никого не трахает, так что успокойся. Пока что не трахает... но это пока что, потому Роман не с ней, а где-то здесь околачивается.

– Здравствуйте, два кофе, пожалуйста.

И тут я слышу до боли знакомый бас.

Роман здесь! В этом кафе! Вот черт, он же меня сейчас заметит, и тогда мой план по его изобличению с треском провалится!

– Вам как обычно? – спрашивает его бармен.

– Да, будьте любезны.

Роман стоит у стойки и ждет свой заказ.

А я, чуть дыша, забаррикадировалась меню, будто страдаю чудовищной близорукостью и изучаю его, а сама потихоньку выглядываю из укрытия и поглощаю Романа жадными глазами.

Роман не заметил меня, что к счастью. Это значит, что удача пока что не совсем от меня отвернулась. Плохо видит Роман, да еще и в очках черных. Синяк, небось, прикрывает, или глаз распухший. Как крот, считай, слепой и без моих подачек. Ой, что я наделала.

В руках Роман держит увесистый пакет с иностранным названием. Уверена, что он тяжелый, судя по тому, как оттянулись его ручки. По всей видимости, там шмотье из дорожного бутика, в который я никогда не заходила. Не припоминаю такого названия, хоть и на слуху вроде бы вертится. Мимо я всегда проходила, небось, потому что цены в том бутике джуже заоблачные, потому и не помню, что это за фирма.

Интересно, что же Роман прикупил? Для себя шмотку или для той худосочной модели с надувными прелестями? Что за срочность заставила его приехать сюда? Небось, платье или трусы подарит своей пассии, чтобы романтический вечер состоялся под флагом «все включено».

Только Роман вышел из кафе, так ни разу и не глянув в сторону окна, где сидела я, я, не сдерживая любопытства, тут же ринулась в торговый центр и нашла тот магазин.

Каково было мое удивление, когда я увидела в витрине вовсе не женское белье или платья, а... когтеточку и кошачий домик.

Это же магазин для животных.

Тьфу ты!

Вот потому я не помню той фирмы, что так кошачий корм называется. Я же в кормах ни бум-бум, котов не держу.

Вот я дура! Самая дурная дура в мире! И себя лишний раз вздернула, и Романа попрекнуть успела. Посмеявшись над собой вполголоса, и пусть мимо идущие люди, наверняка, подумали, что я сумасшедшая, вошла в магазин, делая вид, что интересуюсь тем, чем там торгуют.

Какое-то время канительясь, я отважилась и подошла к продавщице.

Описав внешность Романа и представившись его женой, которая потеряла мужа в торговом центре и не может до него дозвониться, я выведала у продавщицы, что именно он купил. Якобы, ну чтобы мне не покупать то же самое по второму кругу.

– Ах, вы жена Романа Яковлевича?

– С недавнего времени, угу. – бегло отвечала я с улыбкой, про себя думая, что Роман настолько знаменит, что его знают по имени даже продавщицы корма. Кот Роман везде поспел. Наш пострел, блин...

– Роман Яковлевич наш постоянный клиент. А как вас зовут?

– Даша.

– А я Рита. Ну теперь и с вами будем видеться чаще. Ваш Барсик много чего просит каждые две недели. Ну и котяра у вас нахальный. Перебирает то тем, то этим. Что-то новенькое ему подавай все время. Надоедает быстро одно и то же, мы еле успеваем пополнять ассортимент. Для Барсика только и стараемся.

– Барсик у нас такой. Весь в мужа пошел, угу!

– Не подумала бы никогда, что Роман Яковлевич такой же, как Барсик. Но вам виднее, конечно. Я сейчас поищу чек, если Роман Яковлевич его не забирал. А вот и он. Так, посмотрим...

Продавщица оказалась очень любезной девушкой, еще и поверила мне на слово.

Пока я слушала тот список супер-неотложных покупок, еле сдерживала хохот. Палиться мне было нельзя, я ж должна показаться вполне себе чокнутой кошатницей, помешанной на комфорте животного, чтобы ненужных подозрений не вызвать. Помимо лекарств для кота, от чего только, я не спросила, последовал длинный перечень всяких резиновых уточек, мячиков с шипами и без, чесалок разного типа, кормов, накладок на когти и прочей ереси, без чего обычный среднестатистический кот вполне может обойтись. Но это же кот Романа, тут и сомнений возникнуть в важности всей этой белиберды не должно, если учесть, с каким серьезным лицом продавщица зачитывала чек!

Еще продавщица с долей неловкости сказала, что нашего с мужем кота необходимо проверить на бешенство и другие болячки, а мужу больницу не мешало бы посетить. Мол, если кот напал на человека и так его измордовал, что-то с этим котом действительно не так.

Я же стою с идиотской улыбкой и не менее идиотски киваю, слушая ветеринарные советы по поводу необходимости коррекции поведения того существа, которого я в глаза не видела и уже не горю желанием. Но я-то знаю, что виноват в побоях вовсе не кот. Был бы у нас с Аришей такой кот, я бы его застрелила, не задумываясь. Но, к сожалению, измордовала Романа

я, а кот, хоть и отличается непостоянством в уточках, тут оказался не при делах. Не скажу ж продавщице правду, потому и пришлось выслушивать ее наставления до конца.

Вышла на улицу, уставилась на окружающий мир и стою, соображаю, где я и что со мной. В голове галдеж такой творится, словно не в магазине побывала, а в клубе любителей скороговорок. Умеет же продавщица Рита на уши приседать. Не завидую ее мужу.

На этом мое странствие по городам окончится. Понятное дело, к Роману я не заявлюсь уже. Кому я там нужна. Он занят. Ну да, Роман не купил женского шмотья, что радует, безусловно. Но все равно это ни о чем не говорит и не доказывает его невиновности. Я до сих пор не знаю, кто та девушка и кем она приходится Роману. Вряд ли она ветеринарный врач, который принимает на дому. Скорее, Романа пришла лечить своими «сисястыми» методами. Может, он заказал сеанс тайского массажа, но коту срочно приспичило новую утку, и Роман полетел ее покупать? Или все не так просто, как кажется.

Спросить у Любви Михайловны, знает ли она что-нибудь об этом – затея плохая. Очень плохая, ужаснейшая, если точнее. Она тут же позвонит Роману и доложит, что я здесь и что успела увидеть.

Поеду-ка я домой, по пути захвачу большущий торт и пиццу. И сожру все это без зазрения совести, запивая колой. Надо заесть стресс и тремор рук от невезучего неведения успокоить. Может быть, поделюсь с Ариной и мамой кусочком пиццы, если останется. Но не обещаю. Уверена, что слопаю все на обратном пути. Как раз в пробке стоять веселей будет.

Но у моей машины на тот счет были совсем другие планы. Она, решив оставить меня голодной и злой до беспредела, просто не завелась, паразитка!

– Ну что за черт? Давай же, не подведи! Нам еще далеко ехать! Ну пожалуйста, только не сейчас!

В сотый раз пытаюсь сдвинуть умершее авто с места, я все больше гневилась за столь непредусмотрительную остановку на сомнительной заправке, куда меня бес окаянный потянул свернуть. Вот как знала, что не надо бы заправляться там, где сомневаюсь! Голос мне внутренний нудно твердил: «Дарья, не надо тот шланг с отравой в бензобак совать, потерпи еще немного, и будет другая заправка. Не спеши, людей не смеши...»

Не послушала. Сделала по-своему. Бензин ужасный залила, но другой заправки не было близко. Местности я не знаю, потому понятия не имела, как скоро будет следующая заправка, и решила, дура, перестраховаться, блин, чтобы не заглохнуть на трассе.

Как лучше, хотела... Еще и довольная ехала сюда, что не зря того бензинчику залила, ничего же не случилось. Доехала ведь.

А теперь что? Машина остыла, пока я слушала бредни ветеринара и хлебала кофеек, не подозревая о подлянке, которая меня поджидала. Вот и причина моего плохого предчувствия, трезвонящего по мозгам еще с утра. Ну и все, никуда машина уже не тронется. Хоть толкай, хоть не толкай. Хорошо, что не заглохла на середине пути, а то б замерзла я на трассе, и просить, чтоб дотянули, некого, кроме Романа.

И что теперь делать? Я одна в незнакомом городе, денег с собой особо нет. Я ж не думала, что попаду впросак, потому и взяла только на обед. Кроме Романа, никого тут не знаю. И снова я в безвыходном положении нахожусь, только Роман теперь не причем. Сама виновата. Надо было сразу подойти к нему, либо вообще не ехать сюда.

Просидев в машине до сумерек и без конца тыркая ключами в замке зажигания в ожидании чуда, которое никак не хотело падать с неба, я психанула, замкнула ее и двинулась в сторону улицы, на которой сегодня уже была. Приблизительно помню, где дом Романа находится. Но не думала, что это место настолько далеко от торгового центра, на машине казалось, что всего в паре шагов. Туда свернуть, там прямо, налево, чуть-чуть дотянуть, пару-тройку многоэтажек, и на месте. Да уж, не чуть-чуть то, совсем не чуть-чуть...

Пока дошла до его дома, обледенела вся, от неприкрытой макушки, припорошенной снегом, до пят с промокшими насквозь осенними замшевыми сапогами.

Ворота имения оказались открыты, и я, минуя видеозвонок, под которым висела табличка «Быков Р. Я.», подошла к порогу. Оглядев себя на предмет огрех и махнув рукой на ужасающий внешний вид, я торопливо постучала в дверь.

Не знаю, громко ли получилось, потому что в данный момент я слышала только стук собственных зубов. Еще немного, и я заплачу от того, что мне холодно и очень жалко себя. Еще и выбора у меня нет. Придется просить Романа о помощи. Кроме него, идти не к кому. И признаваться в том, почему я здесь, тоже придется. Все, кончилась моя секретная миссия по разоблачению преступника, сыщик и конспиратор с меня никудышный.

Заодно, и проверю, чем они там заняты. Надеюсь, вытащу Романа из кровати, если он туда уже успел запрыгнуть. Только бы не успел...

Глава 4

Дарья.

Дверь открыл Роман. На нем футболка темно-синяя и штаны спортивные, а это значит, что романтический ужин не успел дойти до пикантного окончания. Ой, как я счастлива, что он одетый...

Рожа у Романа, конечно, побитая, вблизи сильно заметно, что скула опухла, синяк небольшой под глазом имеется, ну и царапины по всему лицу.

Но зато как Роману красиво в футболке, эти широкие плечи, торс... Знаю я, что Роман тепленький и обнимать умеет. Вот бы под крылышко нырнуть, и чтобы меня потеряли...

Роман, к сожалению, вовсе не настроен меня тереть; застыл, придурок, в дверях, вытаращенно глядел на меня и молчал. Понятное дело, не ожидал, что я приду в гости и потревожу его персону. Но я же здесь, так что принимай гостей, хлопчик!

Мне пришлось говорить первой, потому что стоять на холоде я больше не в состоянии, еще немного, и мои ноги приклеятся к бетону, а сколько будет тупить Роман, не имела ни малейшего понятия.

– Доббррый вечер. – кое-как выговорил мой язык, пока рот воевал с дрожью и заметно ей проигрывал. Промерзла я конкретно. Лишь бы не заболеть теперь. – Я по делу.

– Дарья? Удивлен тебя видеть, но и рад не меньше. Ну проходи, раз пришла. – Роман отошел от двери, дав мне возможность зайти в дом. А я уж подумала, что он не впустит меня вообще. Я же, вроде как, не вовремя заявила. Однако, пригласил, но я вижу, то розовое пальтишко все еще висит на вешалке, да и сапожки на шпильке стоят себе в углу.

– Вам нужно подписать кое-что, потому я здесь. – и тут я начала нести первое, что пришло в голову. – Но машина моя заглохла неподалеку, и я забыла те бумаги...

– Да брось ты врать. Не умеешь, не берись, солнышко. – он открыто улыбнулся и слегка потряс головой. – Раздевайся, и пошли чай пить. Или кофе будет уместней? Что ж ты не предупредила, что едешь, я бы подготовился. Долго ты ехала. Трясешься вся, может, ванну примешь для начала, а потом о делах поталдычим?

– Нет.

– Твоя невозмутимость меня настораживает, и очень даже. Но смотрю, колец на тебе сегодня нет. Значит ли это, что ты пришла с миром, или мне снова не повезет?

Все ему знать надо... Вот прям сейчас же взяла и вывалила, ради чего я здесь торчу, считай, с обеда. Не могу говорить с Романом спокойно, пока вижу то пальтишко, аж наизнанку меня выворачивает от злости.

– Лучше кофе. – переведу тему, потому что не достоин Роман моего честного и правдивого ответа. Он тоже слишком невозмутимо себя преподносит, и это невзирая на то, что у него до сих пор в гостях тусит какая-то дамочка. Как будто Роман не понимает, что мне очень неприятно, что я не одна у него.

– Я, кажется, знаю, что тебя согреет. – Роман, тем временем, подошел сзади и потянул мое пальто на себя. Мне пришлось рысью расстегнуть пуговицы, чтобы не упасть на него. – Кухня по коридору и направо, иди туда и жди. Я за пледом сбегая и займусь тобой. Давай сюда пальтецо, повешу. Это летнее, что ли? Разве можно в мороз ходить в таком тонком пальто?

– Я в машине все время, потому и не утеплилась.

– Не помогла ж тебе машина. Впредь знать будешь, что уж как давно не лето на дворе. Горло заболит, сразу вспомнишь мои слова.

Мое пальто оказалось в запредельной близости от ее пальто. Да уж, Роман еще и мою любимую вещь повесил рядом с тем розовым срамом, который надушен так злостно, что глаза слезятся неимоверно.

А вдруг я переопылюсь от белобрысой крали ванильной гламурщиной, и мозги мои превратятся в бриллианты? Не в смысле, что мои извилины, наполовину отмороженные и мало-подвижные в последнее время, вдруг станут драгоценными, а то, что они затвердеют вконец и будут оживать лишь при виде сверкающих камушков и рюшек.

Нашла кухню, уселась на высокий табурет и огляделась вокруг. Кухня как с обложки модного журнала. Именно о такой кухне я всегда мечтала. Просторная, столешница посередине, и кастрюльки над ней висят. Миленько так... А плита сенсорная, интересно, удобно ли на ней готовить?

В принципе, я другого тут увидеть и не ожидала. Все по европейским стандартам, и не придаться. Стол стеклянный сверкает, блестит, как новый, даже локти страшно на него ставить, чтобы разводами не даровать. Чистенько кругом, ни соринки, ни пылинки...

Слышу, как откуда-то неподалеку раздается женское: «Давай, прелесть, давай, еще немного, и ты сможешь! Старайся! Обожаю тебя, мой сладкий мужчик! Ох, я бы тебя съела всего! Ну давай еще, сигай! Всего один сантиметрик, и будет тебе награда! Достань вон ту штучку, и я тебя расцелую...»

Кажется, это безобразие из соседней комнаты доносится. Что там происходит? Мадам та мужичку прыгать заставляет за награды, поцелуями угрожает вдобавок...

Странное дело... Пойду гляну, кто на ком прыгает.

Главное, не напороться на развёрнутую сцену из порно, только вживую, а остальное, пусть даже самое немыслимое, я переживу.

Подошла к открытой двери, откуда доносился пикантный визг, и вижу такую картину: эта грудастая мамзель уговаривает кота запрыгнуть на третий ярус низенького домика, при этом сама подскакивает на месте и хлопает в ладоши, и каждые несколько секунд соблазнительно трусит волосами, как в рекламе «Пантин».

Фу, какая она пошлая, аж противно. Разве можно так низменно учить кота галопировать? Скорее, она соблазнит его, а не научит. А кот такой жирный, что не может преодолеть ввысь несколько позорных сантиметров. Ой, Божечки... Разве можно было так кота откормить? Роману точно необходим ребенок, чтоб любовь дарить кому-то еще, иначе его кот совсем скоро лопнет от переедания.

Комната, в целом, оборудована под игровую и, судя по всему, целиком принадлежит одному лишь коту. А у меня никогда не было своей комнаты, до сих пор с мамой спальню делю.

– Дарья, я кофе делаю. Ты не против? – Роман, кажется, вернулся на кухню. Слышу, как кастрюльки загремели. Кофе варганит.

– Ага... – вполголоса ответила я прислонилась к дверному косяку, скрестила руки и плотоядно таращусь на мамзель.

Мамзель, увидев, что за ней наблюдаю я, а не Роман, ради которого она и устроила этот порнографический спектакль, развернулась вполоборота и скривила разукрашенную физиономию.

Кот сделал то же самое, теперь они оба на меня косятся. Злобная у кота харя, куда хуже, чем у мамзели. Судя по всему, это животное породы мейн-кун в теории, но на практике у него в каком-то поколении есть тигриная родня.

Учуяв, видимо, что Роман открыл холодильник, кот ринулся из комнаты. Ну и кот... Напоминает жирную лису или собаку, проглотившую футбольный мяч. Чуть с ног не сбил меня, пока несея, скотина рыжая. Ух, я бы его веником отходила, чтобы знал свое место.

– Барсучонок, время ужинать не пришло! Нам еще три упражнения осталось выполнить, и тогда можно отдыхать! – воспроизвела мамзель голосом Кати Самбуки, а потом нахмурилась и настороженно заговорила чуть ли не басом. – Здравствуйте. Я Вика. А вы?

– Дарья Анатольевна. – сухо и официально отвечала я. Еще и Викой ее звать. Это почти как Ника, и обе победы. И обе лахудры, которые мне на нервы действуют тем, что существуют на этой планете. Что одна девица искусственная, что другая. Порно-актрисы какие-то. Роман только таких и предпочитает, судя по всему. Типичный похотливый мужлан, и все тут.

– Приятно познакомиться.

Вика выпрямилась и элегантно поправила свои арбузные буфера, которые, пока та прыгала, за малым не вывалились из глубокого выреза кофточки фиалкового цвета, сплошь усыпанной сверкающими камушками. Мало того, что ее духи едким смрадом повредили мои глаза еще на входе... Блеск кофточки и ярко-розовые раздутые губы, напоминающие попу бабуина, еще и залитые блеском, который капал чуть ли не до подбородка, и вовсе заставят мои глаза вытечь.

– Вы к Ромочке пришли, да?

– Разумеется, к нему. Мы с Романом коллеги. А вы к Барсику, что ли, наведались, раз спрашиваете такую глупость? – мне крайне неприятен ее тупейший вопрос, да и сама мамзель меня раздражает до невозможности, потому и не стану с ней церемониться. Ясно же, к кому я пришла, раз в этом доме живет всего один человек.

– Вот ты где. Нашел тебя, беглянку, по мокрым следам. Зову ее, а она не отзывается. Моя ты строптивая лапуста. – Роман подошел ко мне сзади и набросил плед на плечи. Пользуясь тем моментом, он некоторое время подержал меня в объятиях. Ушлый какой, ну и я поддалась, чтоб мамзель позлить. – Колготки не выжимала, небось. Снимай их быстро, и на тебе тапочки, пойдем на кухню.

Роман пожертвовал мне свои тапки и, не выпуская из объятий, потащил прочь от мамзели, которой его внимание ко мне явно было не по нраву.

Пока я, под столом незаметно для Романа сняв колготки, сидела и ждала кофе, жирное животное по имени Барсик терлось об мои ноги, потому что те были в тапках Романа, да так громко и басисто мурчало при этом, что казалось, где-то пашет трактор, но никак не кот.

– Кажется, ты ему нравишься, Дарья.

Роман стоял у плиты с деревянной лопаткой и что-то помешивал в сотейнике, иногда поглядывая на меня.

Запах в кухне стоит умопомрачительный: корица, персик и что-то еще, остропрямое, но этот аромат волнует воображение и бессовестно пробуждает мой и без стимуляции волчий аппетит. Боже, какая я голодная.

– Я так не думаю, – хмуро покосилась на это животное и попробовала его погладить. Кот поначалу не дался, а потом, не прошло и минуты, запрыгнул на меня и упокоил свою тяжеленную тушу на моих тощих коленях, нахально скинув с них плед. Смотрит на меня злобно, что места ему мало, видите ли, прямо в глаза таращится, и мурчит себе с одышкой, но получается не «мур-мур», а, скорее, «уф-уф». А взгляд у Барсика, как человеческий будто. Пугает меня Барсик. Кажется, еще немного, и в мое лицо полетит его громоздкая лапа. Отомстить за хозяина намеревается, паразит толстозадый.

– Барсик, не приставай к гостям, если они этого не хотят. Ромочка, я пошла.

– Ага, Вик, секундочку. – Ромочка был очень занят, потому и не обернулся на клич гламурной гориллы, зазывающей самца на брачные игры.

Ах, Ромочка, значит... Тут и к гадалке не ходи, у них довольно теплые отношения между собой наличествуют. Неудивительно, ведь Роман мужчина, а общаться с Викторией каждый день с утра до вечера – все равно что каждый день смотреть порнуху с утра до вечера. Если сейчас Роман свободен, все равно было у них кое-что, и это сто процентов. А мамзель ведет себя так, будто это кое-что не только было, но и есть, и будет.

– Ну тогда до пятницы, да? – продолжала кокетничать мамзель Вика, не обращая ни малейшего внимания на мое присутствие. Кажется, она уверена в том, что я не гожусь ей в конкурентки. – Ничего не меняется в расписании, Ромочка?

– Нет, в пятницу я еще тут буду, а с понедельника уже отчаю... – Роман бегло глянул в сторону Вики и безразлично пожал плечами. – У тебя ж ключи есть? Ну и все. Сейчас я закончу с соусом и провожу тебя.

– Любимый мой, до встречи. Я буду очень скучать, но послезавтра обязательно вернусь и принесу тебе кое-что, что тебя обязательно порадует.

Это кому мамзель сие тошнотворное только что провещала? Уж не моего ли Романа любимым назвала? И о каком таком расписании они говорят? Стало быть, припрется сюда эта перегидрольная курва послезавтра вдобавок, когда меня тут уже не будет. И Роман, к моему удивлению, вовсе не собирается возвращаться к нам в город на этой неделе. Надеюсь, в воскресенье ничего не отменяется.

Вика, к ее счастью, подошла не к Роману, а к коту, забрала его у меня внаглую и принялась тискать, как мягкую игрушку.

Задние лапы кота свисают ниже ее колен, а хвост так и вовсе пол подметает. По сути, Барсик и есть мягкая игрушка с модной стрижкой, но килограмм в нем тринадцать, если не больше.

А котяра довольный, что его лапают, пыхтит от счастья. Морда та волосатая уперлась между грудями мамзели и трется себе в той силиконовой долине.

Ну и зрелище...

Видимо, Барсик без ума от грудастых женщин, как и его хозяин. Роман, вроде, привык к тому, что у меня грудь поменьше, чем ему нравится, и его это вполне устраивает. Ну какие есть, других не вырастила. А с котом его я точно не полажу. Мой второй растоптанный размер с буферами Вики и рядом не стоял.

– Держи. – резкий шепот в моем ухе. Роман более чем неожиданно поставил передо мной бокал ароматного напитка, чем спугнул неслабо. Я дернулась, чуть не перевернув на себя кофе.

Роман хмыкнул, затем подошел к Вике, забрал у нее кота, сунул к себе подмышку и вышел из кухни.

Какое-то время они трое провели в коридоре. Я же насуплено смотрела на бокал и, прислушиваясь, ждала, когда Роман наговорится с мамзелью и вернется ко мне. Уместно ли спросить, кто такая эта Вика, либо же не стоит этого делать? С одной стороны, это невежливо, но с другой – любопытство сожрет меня со всеми потрохами.

– Вкусно? Чего сидишь, не пробуешь? – наконец-то, Роман уделил время мне. Выпроводил мамзель и теперь он весь в моем распоряжении. – Грейся давай. Кто ж ходит в тонком пальто в мороз, да еще и без шапки? Воспаление легких загадала получить или менингит, чтобы больничный подлиннее себе организовать? Так скажи прямо, и я дам тебе больничный на столько, сколько нужно, только себя не гробь понапрасну.

– Пуховик приказал долго жить. Не отстирывается пятна на нем после... выбросить придется.

Не хотелось мне напоминать Роману о том, что произошло между нами в воскресенье, потому я тут же схватила бокал и сделала большой глоток, чтобы замолчать и не отвечать, если Роман пожелает продолжить ту неприятную тему. Ощувив удивительный вкус, мягкий, терпкий, но приятно обволакивающий горло, я довольно замычала. Вкус напитка напоминает прикосновения того, кто готовил это ароматное чудо.

– А что это такое?

– Кофейный напиток с персиком, имбирем, сливками и корицей.

– Если он не имеет названия, я обзову его Интрижкой.

– Пей, пока горячий, полегчает сиюминутно. – Роман присел рядом со мной, с любопытством вглядываясь в глаза. Он прищуривается больше, чем обычно, и это меня огорчило. Неужели, зрение Романа, и без того плохое, стало еще хуже из-за моей выходки? И почему он линзы не носит, если все настолько безнадежно? – Значит, тебе нужно что-нибудь купить на зиму. Как ты относишься к шубам?

– Отрицательно. – буркнула я, все больше ощущая себя виноватой. – Никогда не куплю.

– Ты из тех, кто яро защищает животных и считает, что нужно таскать поролон вместо шубы?

– Нет, просто натуральные шубы дорого стоят. Не по карману мне. Я же одна семью тяну. Мама на пенсии. И не заслужила я шубу, к тому же.

– Вот оно что... – Роман заметно повеселел. Слегка кивнув, он задумчиво скривил губу и тихо продолжал. – Ну ладно. Какого цвета шубу ты хочешь? Какой длины? С капюшоном, без? Фасон, и прочее говори, я тебе подарю.

– Не надо...

– Надо. – Роман, улыбаясь, томно прикрыл глаза, а потом поглядел на меня снова. – Не спорь с будущим мужем. Мне жена нужна здоровая. Еще детей нам с тобой нарожать надо успеть. Одного маловато будет, согласишься, а времени осталось не так много. Давай еще парочку забабахаем, а?

Вот еще! Детей Роману подавай! Ишь что удумал, парочку! Лишь бы не догадался уже сегодня их начинать делать, а то снова получит по харе.

По крайней мере, разговор о важном Роман приблизил сам. А это означает, что я могу вполне задать тот вопрос, который мешает мне думать о семейном будущем с ним.

– А это кто была? Еще одна твоя жена? Сколько у вас общих детей?

– Вика? Ну, не совсем она жена и не совсем моя. Но она член нашей семьи, и ребенок у нас с ней один. Так что привыкай и дружи с ней, Вика тут бывает через день, а иногда и чаще.

От тех признаний, что я у Романа, оказывается, не одна, да и Арина у него не единственная дочь, да еще и с его бабой я буду сталкиваться в одном доме и терпеть ее через день, я тяжело вздохнула, отставила кофе и захотела встать.

– Так, вижу, ты неправильно меня поняла. – Роман ухватил меня за руку и усадил на прежнее место. – Не злись, Дарья. В общем, она няня.

– Няня? – я аж слюной поперхнулась, услышав его противоестественное заявление.

– Ну да, вроде как няня. – невозмутимо продолжал Роман, при этом глядя мне в глаза и продолжая сжимать мою руку в своей. Для него в том заявлении нет ничего удивительного, что еще больше настораживает.

– Твоя няня? – мой голос стал громче. Не действуют на меня его успокаивающие поглаживания.

– Ну что ты, Дарья! – он рассмеялся. – Почему моя сразу? Барсика няня. Ты только не потешайся, но у нас в семье такая вот проблема имеется. Дрессировщицей Вика занималась еще давно, ну или укротительницей, это уж как тебе больше нравится, но Барсик предпочитает не взрослеть, а оставаться маменькиным сынком. Потому Вика и няня. Барсик без нее ведет себя отвратительно. Совсем от рук отбил. Любви ему надо, а я, как женщина, стараюсь, но видимо, что-то ему недодаю все равно. А ты о чем подумала? – Роман, почуяв, что я дала слабину, принялся меня шутливо донимать и выпытывать очевидное. – Что мы с ней того, да? Ревнуешь? Признавайся, Дарья. Сегодня отличный вечер для признаний. Можно и ночь этому посвятить. Спешить нам некуда, отвлекать нас некому. Все успеем.

– Ничего подобного я не подумала. Так сразу решила, что Вика нанялась учительницей Барсика.

– Хорошенькая она, да? – Роман продолжал испытывать мое терпение. – Спортсменка, гимнастка, медали есть за что-то, позабыл, правда, за что. Я б сам бы ее «ух», да так «ух», что... – он еле слышно вздохнул и, отвернувшись, умывающим жестом потер лицо. – Дарья, если уведешь Барсика у Вики, буду тебе признателен до конца жизни.

Ну что он со мной делает? Видно же, что я ревную! Еще немного, и я его придушу! Няня kota... Ищи другую дуру, которая в это поверит, но только не меня. Надо бы охладиться, пока я еще понимаю, что делаю.

– Не знаешь, где тут автосервис поблизости? Мне домой ехать, а, чтобы машина завелась, нужно сперва слить галимый бензин.

– А машина твоя где?

– Напротив торгового центра заглохла.

– Ревнушка и врушка ты, Дарья. Все, не отпирайся, сама себя сдала. Напишешь мне марку и номера машины, дашь ключи, я завтра утром сам все сделаю. И шубу тебе возьму, чтобы не мерзла. Потому думай до завтра, в интернете хоть погляди, какая понравится, чтобы я не терял времени. А сегодня уже поздно, и ничего не работает, потому ты у меня остаешься. Ясно тебе? – Роман, не дожидаясь, когда я все это переварю и попробую возразить, заговорил о том, что волновало не меньше его тайных отношений с мамзель. – Голодная? Да ясно, что голодная, потому и злая без повода. Ну ничего, я тебя быстро задобрю. – Роман встал и подошел к холодильнику. – Что будешь есть?

– Все, что предложишь. – я не удержала марку обиженной и растянулась в блаженной улыбке. Ура, я скоро поем! – А какой выбор?

– Так... есть колбаса, какой-то десерт белый, видимо, со сливками, пицца замороженная точно была, где-то ее видел...

– Колбасу и десерт.

– Заказ принят, мадам.

Пока Роман сооружал все новые и новые бутерброды, а я их с аппетитом жевала, с не меньшим аппетитом и восхищением глядела на него. Завидую тому, как искусно Роман обращается с ножом: все кусочки у него выходят аккуратные, одинаковые, и хлеб тонкими ровными пластами, как покупной нарезанный. А для красоты он сверху тонкий кусочек огурца кладет, ленточка прям зеленая опоясывает бутерброд, как суши.

Я так прекрасно не смогу повторить. Либо у Романа ножи острее моих, ведь я, сколько себя помню, всегда отрезаю косые шмотки толщиной в сантиметр минимум, либо у меня руки не с того места растут.

– Роман, а почему ты не знаешь, что у тебя за десерт в холодильнике?

– Потому что я люблю шоколад и только шоколад. – охотно пояснял Роман, укладывая в тарелке еще один «сушиброд». – А моя домработница пытается подсунуть мне ту стряпню, где напрочь отсутствует шоколад. Как по мне, если в выпечке нет шоколада, тогда это дрянь, а не выпечка. От сладкого нужно получать и моральное удовольствие, а не бездумно его поглощать, чтобы набить желудок. Простое печенье я есть не стану никогда, а вот если в нем присутствуют кусочки шоколада, слопаю за милую душу. А ты любишь шоколад, Дарья?

– Люблю, но знаю, что от шоколада портятся зубы.

– Да что ты говоришь? От всех сладостей одинаково портятся зубы, но зубы можно вставить новые и продолжать есть сладости, если жить без них не можешь. У меня пока ни один не выпал. И, вроде бы, не собирается. Что ты молчишь о главном, Дарья? Наешься, или еще парочку нарезать?

– Мне хватит. Еще на невкусный десерт надо место оставить. Кажется, это Наполеон.

– Сомневаюсь. Скорее, сливочный пудинг с печеньем под низом. Наполеон я бы не оставил, признаюсь. А ты запоминай, что я люблю, а что нет. Это единственная сладкая вещь, которую я признаю, помимо шоколада. Ну как тебе кухня? Будешь на такой готовить?

– А тут еще и готовить можно? Я думала, нужно просто смотреть, диву даваться да людям показывать за отдельную плату.

– Ну конечно, это кухня, а не музей. Вот переедете ко мне с Ариной, и будешь тут хозяйничать. Домработницу я уволю, а ты сама все делай. Жена есть жена. Арина как? Мне показалось, что по голосу она простыла.

Роман общался с Ариной? Почему я об этом не знаю? И когда это он успел?

– Вроде не болеет. Так ты звонил мне домой?

– Звонил, да. Светлана Васильевна разрешила тебе переночевать здесь и строго наказала, чтобы я тебя не отпускал до понедельника. Так зачем ты ко мне приехала на самом деле?

– Не спрашивай. Все равно не отвечу. По крайней мере, сейчас.

– Ладно. Тогда доедай, а я пойду пока в зале приберусь. Барсик тебе компанию составит. Барсик, ты где?

Толстозадое животное с чудовищной одышкой примчалось тут же, будто сторожило выход из кухни и ждало, когда Роман его пригласит.

– Мне кажется, этому обалдую пора на диету переходить без соли и без сахара. В смысле, траву есть и водичкой запивать.

– Барсик, слышишь, что мамка твоя говорит? На диету надо тебя сажать, обалдуй. – Роман присел на корточки и принялся трепать кота за мохнатые расплывшиеся щеки. – Какая диета? И ты не обалдуй ничуть. Умничка ты моя, просто мамка твоя еще об этом не знает. И так, бедняга отошал, пока меня не было. Скучал по мне, мой хороший. Узнал, кто это? – он кивком указал на меня, и кот обернулся. Удивительно умное животное. Оно, что, русский язык понимает? – Эта красивая женщина мамкой твоей будет. Пойди мамке покажи, как легко ты летаешь птичкой. Дарья, ты умеешь свистеть?

– Нет! – сквозь смех бросила я.

Я буду мамкой этого толстозадого? Приятно, конечно, слышать, что Роман доверяет мне такое ответственное дело. Но еще больше кажется, что Роман делает это ради того, чтобы избавиться от укротительницы Вики, которая ему порядком осточертела, и заменить ее мною, то бишь, бесплатной рабыней его рыжего высочества, которое очень любит ласку.

– Эх, Барсик, не умеет твоя мамка свистеть. Не беда, научится. Кажется, она тебя колбаской хочет угостить. Иди к мамке и попроси. Но только по-хорошему. Вежливо попроси.

И как Роман умудряется говорить такое всерьез? Обхохочешься с него и его кота. Как же приятно находиться в его доме. У них здесь весело и нет склок. Не то, что у меня. Уютно здесь, тепло, сухо. И воздух будто пропитан спокойствием и гармонией.

Роман подтолкнул эту мохнатую тушу, и она вальяжно пошла на меня. Подойдя к соседнему табурету, туша попыталась запрыгнуть на него, но незамедлительно и с грохотом шлепнулась на бок.

– Помоги ребенку, мамка. – подтрунивал надо мной Роман, но его голосе не было сарказма. Это подтрунивание было похоже на заигрывание. – Не сиди сложа руки.

Ну ладно, подыграю и я этим двум чокнутым мужчинкам.

– Давай помогу тебе, ребенок ты бедненький.

Усадила я кота на табурет. Он сидит и смотрит на колбасу, которая лежит в тарелке. Кинула ему кусочек на пол. Он поглядел на этот кусок, носом покривил и снова на меня таращится. Я ему еще кинула.

– Дарья, нежнее. – Роман ласково глядел на меня и безмятежно лепетал. Кажется, он счастлив меня здесь видеть. – Еще нежнее. Попробуй с рук ему дать. Барсик с пола не ест.

Ничего себе, принц избалованный! С пола Барсик не ест. Да где это видано? Вон, коты и с мусорника едят, и с земли! А этого нахалюгу с пола стерильного жрать не заставишь! Ну погоди, Барсик, вот перееду я сюда, наступят для тебя тяжелые времена.

Только Роман вышел, я ехидно хихикнула и столкнула жирдя с табурета. Потом отвернулась от него, изображая, что обиделась. А он, кажется, тоже обиделся на меня, но по-настоящему: зашипел и пошел прочь из кухни, к сырокопченой колбасе так и притронулся.

Говорят, домашние животные перенимают привычки своих хозяев. Если характер у этого кота такой же, как у Романа, то сразу можно утверждать, что мне не повезло с мужем. Ой, как не повезло...

Глава 5

Дарья.

После ужина Роман провел мне блиц-экскурсию по комнатам, а после проводил до ванной комнаты, расположенной на первом этаже. Туда мы дошли уже в обнимку. Вернее, это Роман меня обнимал за талию. А все затеялось с банального и невинного, на первый взгляд, «хочешь, держись за руку», предложения Романа, озвученного с самого начала осмотра дома, и от которого я не смогла отказаться.

– Иди купайся, я тебя разотру потом основательно, чтобы спалось лучше. Только быстро купайся, а то вдруг я окажусь рядом с ванной... и мне что-то там срочно понадобится взять..., и я могу ненароком не пройти мимо... – игриво, но бойко шепча, Роман резко приблизился, заставив меня отступить к стене. – даже если ты замкнешься, я встану под дверь и буду поглядывать в замочную скважину. Сразу предупреждаю, такой вот я странный и озабоченный тип, и ничего не могу с этим поделать. А главное, не хочу. Другого хочу. – он для пущей достоверности своих шутливых угроз и желаний спрятал руки в карманах штанов, чтобы не соблазниться и не пустить их в ход сразу же, испортив тем действием все, к чему шел. Трепетно оглядев меня от уровня губ до зоны декольте, он хрипло спросил. – Что принести тебе, халат или рубашку?

– Что приличнее, то и неси. – испытывая неловкость от ласкового, но непристойного и вполне осязаемого прессинга Романа, от которого по коже забегали мурашки, я несколько раз пожала плечами и отвела взгляд.

– Ой, Дарья, не флиртуй со мной и не дразни понапрасну, если не хочешь продолжения, но уже другого. Более значимого для тебя и для меня. – произнес он с некоторым оттенком болезненности в голосе. – Приличней или неприличней... Что ты меня мучаешь, чертовка, думать о всяком порочном заставляешь? Мой ответ таков: это с какой стороны и ракурса подсмотреть и оттянуть, сбоку или снизу: халат длинный, но на поясе, а рубашка короче, но зато на пуговицах. Все из этого снимается одинаково легко, потому разницы особой не вижу. Что выберешь ты?

– Если халат твоего размера, то лучше неси рубашку. Твои рубашки мне почти по колено. Я уже мерила, когда у вас дома ночевала. Так будет приличней. Рубашку можно и белую, не запачкаю. Я буду аккуратной, верну в том же виде, что и взяла.

Не замечаю за собой, как сама же его привлекаю и провоцирую. Автоматом с меня вылетают попытки заигрывать с ним, не могу себя остановить. Хоть бери и рот себе затыкай, чтобы не молот то, что не успело обдуматься. Мне просто нравится, когда Роман близко. И шепот его нравится. Потому и хочу, чтобы этого не заканчивалось.

– Я тоже так думаю, что не запачкаешь. Значит, там все хорошо?

Роман пошло дернул бровью и бросил беглый взгляд вниз, на мой живот, а потом оперся ладонью в стену и приблизился ко мне без малого впритык.

На что это Роман так непрозрачно намекает? Уж не пытается ли он таким способом выяснить, идут ли у меня месячные, чтобы знать наверняка, станет ли он сегодня счастливым, выиграет джек-пот или не выиграет?

Ой, кажется, я сама ляпнула об их отсутствии, не подумав при этом головой, а Роман повелся на мой якобы развод и полное согласие. Я не имела в виду месячные, когда сказала, что не запачкаю белую вещь. А прозвучало так, будто я его приманиваю и требую от него решительности. А Роман и приманивается, как муха на мед. Ему много не надо, только кивни, и он набросится.

– Люблю видеть на женщине свою рубашку. – продолжал он шептать, вздергивая меня этим и заставляя сердце биться чаще. – Очень сексуально смотрится, особенно если верхние пуговицы не застегивать, и волосы слегка распушить, чтобы как грива львиная... Ну и самое

главное – никакого белья под рубашкой, только голое тело. Иначе не будет того эффекта, который взрывает мужское воображение и напрочь сносит крышу. Естественность для меня лучше любого, пусть даже самого откровенного белья, которое ничего не прикрывает. Люблю очень, когда соски торчат и отпечатываются под тканью. – он опустил взгляд на мою грудь и удрученно вздохнул, осознавая, что это добро ему не достанется. – Это очень красиво смотрится. Не веришь? Проверь, я дело говорю. Это зрелище дорогого стоит. Не обманываю и надеюсь, что ты последуешь моему совету.

Так и не получив от меня ни отказа, ни согласия, Роман почесал затылок и отошел назад, давая движениям простор. Понял, что лучше остановиться.

Я воспользовалась этим моментом и задом вошла в ванную комнату.

– В общем, купайся, там на полке найдешь, чем помыться. Или знаешь, что... Давай ты подождешь немного, а я в магазин быстренько съезжу. У меня для женской гигиены ничего не найдется, к сожалению.

Значит, Роман точно живет один. И никто с ним не ночует. Ура!

Но то, к чему он намеренно подводит вечер, уже не ожидая согласия, а требуя его, неслабо меня настораживает. Я бы, конечно, рискнула попробовать то желанное релаксирующее, чего просит физиология, чтобы понять, смогу ли в принципе это делать с Романом как мужем, но дрейфлю, будто целомудренное желе перед первым разом, которое несет на подносе официант с тремором рук. Не хочу насильственного повторения пройденного. Пока что Роман сдерживается, и ничего не предвещает беды, но все может измениться и повернуться в противоположную сторону, причем в любую секунду.

– Да ладно, не беспокойся, я мылом помоюсь. Вроде я не критически грязная. Мыло же есть?

– Мыло есть, но лишней зубной щетки нет. Жди, я мигом. Если Барсик будет дозоять тебя или удумает помогать, дай ему мандаринку. Он часто требует, чтобы его пустили в ванную. Запрыгнет на бортик и смотрит. Любит это дело, как и я. В общем, дашь мандарин, он сразу успокоится. – напоследок сказал Роман и ушел.

Господи, в случае нападения на меня кота, дать коту мандаринку... Это точно кот? Дюже странно он ведет себя для кота.

А что, простите, следует дать Роману, если он подглядывать за мной удумает? Об этом история умалчивает. И правильно, зачем мне это знать...

Не стала я дожидаться, когда Роман вернется, чтобы не искушать его и самой не искушаться. Икупалась быстро с его гелем, терпким, свежим, но резким, который и вовсе меня, дерганную, взбаламутил.

Обмоталась широким полотенцем, затянула потуже, чтобы не упало, и пошла по дому блукать. Роман же так и не принес мне рубашку. Ну ничего, тогда я сама выберу ту, что мне приглянется.

Открыла шкаф и взяла первую, которая на меня смотрела. Некогда выбирать, нужно остаться незамеченной. Мало ли, вдруг Роман прямо сейчас возьмет и войдет в спальню. Я ж не знаю, пришел он уже или нет. А он раз, и увидит меня голой. Тогда уж точно ситуация для нас обоих примет тяжелый оборот и будет малопоправима.

Хотела подойти к напольному зеркалу, чтобы посмотреться, но тут кот на меня зарычал. Я не заметила, что он пошел за мной, только я из ванной сдернула. Но зато слышала, как он орал под дверь. Теперь стоит этот гад у кровати и злится, что я, мало того, что не пустила его, да еще и лазаю по вещам его хозяина. Он, что, ревнует? Как с таким котом проживать в одном доме? Он же меня сожрет, если Роман когда-нибудь задержаться на работе посмеет.

Вдоль стеночки я осторожно и медленно вышла из спальни, минуя рычащего монстра, готового вот-вот кинуться на меня и искушать, галопом добежала до гостиной и запрыгнула на диван, на всякий пожарный подобрав под себя ноги.

И тут мой страх улетучился. Я сижу на облачке, что ли? Какой мягкий диван, и весь усыпан подушками. Удивительно мягкий диван, на нем хочется сидеть бесконечно. Вообще б не вставала с него никогда. В общем-то, все в этом доме, как я люблю, и красиво, и удобно, просторно. Кроме кота, который меня успел возненавидеть.

– О, ты уже. А я тут, вот... Прикупил основного. Ну ладно, еще пригодится. Не в последний раз у меня остаешься. – Роман показал мне полный пакет и с озадаченным видом пошел его раскладывать. – Давала Барсику мандаринку?

– Нет, не давала. – с улыбкой откликнулась я, продолжая наслаждаться тем, как утопаю в подушках. – Он и так рыжий.

– Не рыжий. Он цвета «последний вздох жако». Ну может, еще немного оттенка лани, но точно не рыжий.

– Кого последний вздох? Жако? Попугая, что ли?

– Ну да, у попугаев глаза желтеют, когда они умирают. Не знала?

Роман вернулся спустя некоторое время, но быстрее, чем успел бы разложить купленное. Видимо, пакет подождет своего часа еще.

Он присел рядом и протянул мне мандарин, который только что очистил от кожуры.

– Любишь мандарины?

– Люблю.

– И я люблю. И он тоже. Барсик! Ты где?

– Где-то тут ходил. В спальню твою меня впускать не хотел. Чуть не покусал, засранец. Я за рубашкой ходила.

– Вижу, что ты в рубашке. Тебе идет. – Роман подмигнул. – А Барсик, он такой, да. Может и характер показать, если что не по его происходит. Собственник он и жутко ревнив. Никого ко мне не подпускает, хоть как его упрасивай и хоть где закрывай. Вылезет и начнет орать, мешать делу. Так было, есть и будет, к сожалению.

Никого тот Барсик не подпускает к хозяину, кроме няни Вики, и их совместному делу не мешал, намеренно опустил Роман. Так подумала я, потому что это показалось вполне очевидным. Но зато в доме нет ничего, что могло бы принадлежать женщине или хотя бы указывать на ее наличие. Это успокаивает. Все, что Роман принес сейчас, он принес только мне, и никому больше.

– Что делать будем, Дарья? Фильм посмотрим или поговорим о злободневном?

– Давай лучше фильм. Триллер или ужасы, если можно.

– А ты меня будешь потом успокаивать? Смотри, я очень впечатлительный и крови боюсь. В обморок могу упасть ни с того ни с сего. Тебе придется со мной спать, чтобы я не умер от страха.

Я хмыкнула и качнула головой, улыбаясь снаружи, но печалась в душе. Роман, конечно, шутит сейчас, но снова напоминает о том, что я сделала. Не могу только понять, специально он это делает, или само собой получается. Так же, как и у меня с ним флиртовать выходит спонтанно.

Барсик, видимо, услышал, чем грозит его хозяин, влетел в комнату с игрушкой в зубах. Потрепав панду, он залез на нее верхом и принялся месить всеми лапами. А потом я заметила, что Барсик немного присел и начал активно шевелить своей филейной частью. Он, что, с игрушкой сексом занимается? И это на наших глазах?

А вот и фильм... Триллер! Сам включился и хрен выключить его теперь. И снова мы с Романом попали в неловкую ситуацию. Напоминает случай, когда мы оба шмякнулись с ним перед кафе.

– Ой, прости... – Роман, кратко поглядев на это неприличное дело, потом на меня, рассмеялся и с виноватым видом развел руками. – Кажется, Барсик хотел тебя познакомить со своей возлюбленной, но что-то пошло не так. Страсть его, пылкого благоверного, буквально с ног сбила. Не утерпел Барсик. Бывает и такое, когда с головой не в ладах, а хочется настолько, что на всех и вся плевать... Но это не тот случай. Он же третий раз за день этим занимается. Барсик, не при гостях же. Перестань! Иди лучше ко мне, мой хороший! Держи мандаринку, только оставь панду в покое, пока мамка твоя не спит. И я тоже...

Барсик продолжал свое гнусное занятие, невзирая на просьбы хозяина. Он даже ускорился и запыхтел, как паровоз, то ли назло Роману, то ли потому, что уже не мог терпеть, как хотел испытать телесной любви.

А нам с Романом только и остается, что сидеть и завидовать. Даже у кота есть, кого любить, а мы вроде и тянемся друг к другу, но рвануть навстречу безумству и утонуть в нем, забыв о последствиях, не можем себе позволить.

– Да пусть мастер-класс показывает, я сама отвернусь, чтобы он не стеснялся. А то мало ли, еще останется неудовлетворенным, или панда не получит удовольствия, а я виновата буду. – сказав это, я прикрыла глаза рукой. А как сильно стеснялась я в тот злосчастный момент, ощущалось по вспыхнувшим щекам.

А как тут иначе реагировать? Считаю, порнуху смотрю с мужчиной, который мне нравится и которому нравлюсь я. И Роман не прочь со мной повторить то же самое, что и его кот вытворяет с игрушкой. Уверена в этом абсолютно. Да еще и на одном диване с Романом сидим, и на мне его рубашка, а под ней только трусы, и больше ничего. Последовала я совету Романа, оставила лифчик висеть в ванной. И соски мои торчат с тех пор, как в спальне его прохладной очутилась, но я тщательно их скрываю другой рукой.

Сама не знаю, почему я повелась на его уговоры. Возможно, пожалею о том, что веду себя доступно с мужчиной, у которого нахожусь в гостях и буду сегодня спать. Но Роман пока не смотрит на меня, так что бояться нечего. А мне бы хотелось, чтобы он перестал обращать внимание на кота и перевел его на меня со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И хочется мне, и колется.

Противоречивая ситуация, однако...

– В таком случае, не станем и мы с тобой сидеть без дела. Что время терять? – Роман развернулся ко мне вполоборота и по-деловому предложил. – Позволь и я тебя разомну.

– Только не так, как Барсик колдует над пандой, пожалуйста.

– Не так. По-другому сделаю. Ноги или плечи? Выбирай.

– Ноги.

– Так и думал. Хорошо, давай их сюда. – Роман похлопал по своим коленям, предлагая мне уложить на них замученные шпильками пятки. Только я аккуратно протянула ему одну ногу, он коснулся моих пальцев и громко выдал. – Ну и ледяные они у тебя! Замерзла и молчит опять. Так я тапочки тебе купил и носки теплые. Сейчас принесу. Ноги беречь нужно. Вот уж поверь мне, как знатоку, без них живется плохо.

Роман собрался было встать с места, но я остановила его, чуть сильнее придавив ногой, пригвоздила его к дивану.

– Потом принесешь. Меси уже меня, пока я добрая.

– Ну хорошо, раз ты добрая, Дарья, начинаю свой замес. Говорил же, что задобрю тебя, строптивую, и быстро задобрю. Возможно, так удачно сложились звезды сегодня, а возможно, ты и сама поняла, что давно пора что-то менять. Но если вдруг я что не так сделаю, не молчи. Ладно?

Я кивнула и улеглась поудобнее, подставив обе ноги для массажа.

– Расслабься максимально, насколько сможешь, и попробуй представить, что ты сейчас совершенно одна, никто и ничто тебя не беспокоит, не тревожит, не мешает. Ты лежишь на пляже, слушаешь шум прибоя, наслаждаешься отдыхом. Тебе приятно здесь находиться. Волны легонько касаются кончиков твоих пальцев, легкий теплый ветерок колышет твои волосы. Ты чувствуешь покой и безмятежность.

Роман потер ладони, осторожно коснулся моей стопы и принялся медленно ее разминать. Сначала одну, потом другую, щедро одаривая ноги приливом теплой волны от пальцев до щиколотки.

Однако, приятно, хоть и немного непривычно. Но я попробую расслабиться и представить то, о чем говорит Роман.

И вот я уже далеко отсюда. Я на берегу моря. Лежу себе, а волны ласкают мои ноги.

Вот это кайф...

А Роман отлично помогает мне забыться. Воздействует на правильные точки, и я вот-вот почувствую запах моря. Эффект незабываемый.

Закрывает глаза и всецело отдалась изнеженности воображаемых волн, которую развивали прикосновения теплых, нежных рук Романа. Щиколотки, икры, ни единый миллиметр кожи не остается без ласки. Будто и впрямь меня покрывает вода в эту самую секунду. Но я хочу, чтобы Роман составил мне компанию на безлюдном пляже. Одной мне там быть не нужно.

А его пальцы, тем временем, потихоньку добрались до моих колен, электризуя меня все интенсивней. И тут уже я пошла имитировать морскую волну, плавно шевеля верхней частью тела. Роман что-то мудрит с моими ощущениями, продолжая вроде бы не волшебные, а вполне обыкновенные поглаживания и пощипывания, но так искусно мудрит, что я вот-вот самопроизвольно растопырю перед ним ноги и скажу «бери меня сейчас же, пока нас волной не накрыло с головами и не унесло течением в море».

Лучше остановиться сразу, пока дело не зашло слишком далеко. Разум мой пресловутый и некстати проснувшийся, говорит так. Но пальцы моей ноги уже сами по себе шупают то твердое, что скрыто под брюками Романа. Я не могу сдерживать свое тело, оно само ведет меня туда, откуда уже нет выхода.

Из груди моей самопроизвольно вырвался скрипучий стон. Я резко села, не открывая при этом глаза. Но знаю, что слишком близко нахожусь к Роману.

Руки его застыли в тот же миг, как и прежде спокойное дыхание.

– Можно я тебя поцелую? – тихо спросил он.

– Только поцелуй и всего один. – я зажмурилась еще крепче и, облизав губы, утвердительно кивнула.

– И только... – торопливо шепнув это, Роман потянулся ко мне и обезоружил вовсе не слабым поцелуем, и не таким скромным, какой я ожидала получить в первый, нормальный раз.

Роман слишком уверенно рассчитывает на большее, либо так сильно хочет меня целовать, что не сдерживает и других, более серьезных желаний. Он буквально накинута на мои губы, чем и пробудил во мне гейзер ярких впечатлений и непередаваемых ощущений, вождленными искрами, словно фейерверк, покрывших все тело. Даже те места, которых Роман не касался, всецело были поглощены единым желанием – уйти из реальности вместе с ним раз и остаться с ним навсегда.

Не заметила, когда успела и как, но мои руки уже обвились вокруг шеи Романа, притягивая его к себе максимально ближе. Я хочу его целовать сама, быстро и требовательно, так остервенело, как и мечтала повернуть с недавнего времени. Сколько я думала о его губах, способных зажечь во мне негасимый огонь похоти, сколько представляла, как чувствую его. И теперь я могу позволить себе немного повольничать.

Роман, не обрывая поцелуя, уложил меня на диван и примостился рядом, отчего мои ноги неминуемо запрокинулись к потолку; ладонь его бегло прошлась по бедру выше, с жадностью потрепала его, настигла линию трусиков, но не остановилась, пока что миновала их, двинувшись еще выше. Роман осторожно, но уверенно сжал грудь в своей ладони, на доли мгновения застыв, его дыхание стало быстрым, а пальцы, нащупав твердый сосок через ткань рубашки, принялись активно его тереть.

Роман осыпал меня ласками, его касания становились все грубее, резче и требовательней, язык в ускоренном темпе исследовал мой рот.

Что Роман со мной делает? Я будто падаю куда-то, а куда не пойму. А Роман точно знает, что делает, раз продолжает все напористей доводить меня до состояния безумства и необузданной страсти. Уверенно подводит к тому, что неминуемо произойдет сегодня, а я и слова против того не смогу воспроизвести, настолько буду поглощена животным инстинктом спариваться. Это я осознаю, но не могу и не хочу противиться нечестным манипуляциям, выводящим из строя мою и без того шаткую позицию. Я знаю, что вешу на волоске, но это ощущение слишком приятно, чтобы отказываться от него ради каких-то принципов, не имеющих ни малейшего значения здесь и сейчас.

По телу константным потоком сновали электрические разряды. Меня будто подключили к источнику сексуального питания и держали в сладостном, но мучительном напряжении. Они не отпускали ни на секунду, заставляя меня прогибать спину и нетерпеливо шевелить тазом по часовой стрелке.

Я чуть не захлебнулась от желания, когда ощутила его пальцы пониже своего лобка. Еще немного, и я сдамся. Не просто сдамся, а сама залезу на Романа, и мы бодро поскачем в страну оргазма.

Я отвернулась от его страстных губ, чтобы отдышаться и немного охладеть, но уже чувствую, что теку и невероятно сильно. Роман же мой настрой не поддержал. Взяв меня за горло, он снова впился в мои губы поцелуем, еще более непристойным и диким, чем прежде. Мы уже занимаемся сексом, я чувствую именно это, хоть и понимаю, что это всего лишь обычные поцелуи.

Испытав ощущение, близкое к тому приятному, чему следует просто разрешить случиться, а после сразу наслаждаться этим и томно вздыхать, я распахнула глаза и вздрогнула.

Но не от удовольствия. Расходившееся воображение в этот раз решило поиздеваться и сыграло надо мной злую шутку. То, что я открыла глаза, и стало моей главной ошибкой, вернувшей разгоряченное сознание в один самый страшный в моей жизни вечер.

Темнота вокруг меня. Она затягивает и не дает дышать, не дает убежать, не дает спрятаться или хоть немного повлиять на роковой исход дальнейших событий. Лишь точечный свет, напоминающий лампочку в салоне авто, тускло освещает часть комнаты, где стоит диван. Мягкий диван превратился в заднее сидение джипа, чувствую запах кожи и крови, которая вот-вот разбавит воздух, пропитанный алкоголем и боязнью. Во рту внезапно возник и довольно четко ощущался теперь привкус химической смазки, латекса и горечи ядовитой спермы, напитанной моими слезами.

Мгновение ужаса, остановка дыхания, и он навис надо мной.

Он сверху, взгляд его жестокий, мысли и поступки такие же черные, как и звериные глаза, в которых бесновато отплясывает пламя, дарованное ему самой преисподней. Руки его, порвавшие мою одежду, готовятся причинить боль, а далее последует адская многочасовая пытка, начинающаяся с того, что дичайшая агония пронзит мое нутро насквозь.

Картинки ужаса неслись перед моими глазами, пытаюсь прорваться в уютную и совсем иную реальность. Я как могла, отмахивалась от них и пыталась переключиться на другое. Я хотела избежать этого, но я бессильна против себя самой. Это воспоминание живет внутри меня, его не прогнать, не удалить, и оно всплыло в самый неподходящий момент.

Это не тот день, но тот же самый человек. Тот же самый...

Оклемавшись я моментально, вернулась в комнату и немного расслабилась. Во рту все тот же привкус мандарина. Я лежу на диване, но уже почти голая. Когда Роман успел меня раздеть? Я будто находилась не здесь, а где-то за гранью понимания того, что происходило наяву.

Главное, я не там и не могу быть там. Все хорошо.

Но только я поглядела перед собой, страх мой, немного отпустивший, обрел куда более ощутимую оболочку.

Роман увлеченно целует мои ноги, уделяя особое внимание внутренней стороне бедер, а трусики мои в тот момент падают на щиколотки. Роман снимает их с меня, ставит мои ноги шире, втискивается между ними и начинает медленно приспускать свои штаны...

Меня затрясло от ужаса. Заскулив, я отрицательно замотала головой, но при этом плотно сжимала губы. Я настолько испугалась, что не могла и звука издать.

Роман почуял то неладное, что я колочусь в припадке и вовсе не от возбужденности. Его угольно-черный взгляд, хищно сверкающий, острым лезвием впился в мои глаза, которые моментально увеличились. Тот самый взгляд.

Это не воспоминание. Это реальность.

Обнаженную грудь мою от волнения обдало холодом, как в ту зимнюю ночь, а следом обожгло кипятком, и тогда я закричала.

– Нет! Не надо! Не трогай меня!

Я забрыкалась и вылезла из-под него, да так резво, что Роман даже не успел опомниться. Запахнула рубашку, прижала ноги к себе и спрятала лицо между колен, чтобы больше никогда не глядеть в те глаза. Я боюсь.

– Все-все-все! Не трогаю! Только успокойся, пожалуйста!

Роман не стал меня удерживать или заставлять подчиниться, хоть до победы оставалось всего-ничего. Одно его резкое движение прямиком в меня, и я бы в тот миг сошла с ума.

Он, видимо, не сразу, но понял, о чем я вспомнила и что воспоминание это вот-вот выбьет мой разум из колеи, а потому и не настаивал на обсуждении резкого отказа от близости. Вернувшись на прежнее место, Роман глубоко вздохнул и в полнейшей прострации уставился в стену напротив.

Какое-то время Роман сидел молча и абсолютно недвижимо, чем и привлек мое внимание. Моргал только лишь, и то очень редко, а потом сказал.

– Извини меня... Не сдержался. Не знаю, что на меня нашло... Извини. – так и не получив от меня ни звука, он встал с дивана. – Пойду проветрюсь... Заранее спокойной ночи.

Минут двадцать Роман стоял на морозе. Видела его из окна. Он просто стоял и глядел в небо: казалось, еще немного, и Роман завоюет волком.

Но этого не произошло, Роман не завыл от отчаяния. Спустя двадцать минут он взял лопату и принялся резво очищать двор от падающего снега. Он даже не скоблил, а рубил, махая лопатой, словно топором. Так казалось мне с расстояния.

Я знаю, что Роман не хотел напоминать мне о плохом. Но так вышло, хоть он и не сделал ничего, что могло бы вернуть меня в ту ночь.

Роману нужно успокоиться и немедленно заглушить то желание, что в нем бурлит, а физический труд отлично этому способствует.

Возможно, я очень сглупила, оттолкнув Романа снова, ведь сама очень хотела и ждала продолжения. Я ведь хочу, чтобы наши отношения стали другими. Я ведь замуж за него иду, и жить с ним буду. Я ведь решила это и не хочу ничего менять.

Но как я могла стерпеть и не оттолкнуть? Зря я открыла глаза. Но я не могла предугадать, что будет так, иначе бы подушкой накрылась, чтобы обезопаситься от кошмара, испортившего такой прекрасный вечер.

По крайней мере, когда мои глаза закрыты, я могу не сопротивляться чувствам и дойти до конца своих желаний. Главное, преодолеть этот барьер. Дальше все будет хорошо.

Меня радует то, что Роман способен не заставлять и отступить, когда это нужно, даже если ему очень хочется не останавливаться. А это значит многое.

Выключила свет, улеглась на диван и ждала, когда Роман закончит свои дела, которые не имеют смысла в снегопад, и вернется в эту комнату. Может, фильм посмотрим все-таки или попробуем заново... Даже хотела предложить завязать мне глаза чем-нибудь плотным, но потом подумала, что обижу его этим. Роман решит, что он мне противен. Но ведь это не так! Может, стоит рассказать ему о своих чувствах? Роман не поверит, тем более, после случившегося. Точно же не поверит.

И то не так, и это не так... А как тогда мне поступить, чтобы было правильно? Как??? Самой действовать, брать ситуацию в свои руки и идти вперед, невзирая ни на что. Вот оно единственное решение. Но я не готова к этому. Я уже проявила активность три дня назад и до сих пор не извинилась.

Роман подошел ко мне спустя час или около того. Я не уснула. Я дождалась его, хоть и сделала вид, что сплю. Пока лежала в темноте, поспорила сама с собой, что Роман меня поцелует или хотя бы погладит по голове перед тем, как лечь спать.

Проспорила сама себе в итоге. Ни продолжения массажа, ни поцелуя, ни хоть какого иного намека я не получила. Роман не собирался возвращаться к начатому им, он всего лишь приволок одеяло, осторожно укрыл меня и сразу ушел, тихо закрыв за собой дверь.

Я очень ждала, что он решится, а он взял и не захотел даже пробовать.

Глава 6

Дарья.

Утром меня, обиженную на то, что Роман сдался после первой неудачной попытки наладить со мной более тесный контакт и не стал пытаться снова, да еще и раззадоренную, и неудовлетворенную, ко всему прочему, разбудил вовсе не Роман. Кот его поганый со своим гортанным кличем!

Прогорланив противным гундосым басом несколько раз, стоя у дивана, он запрыгнул, сел мне на грудь и ждал, когда я проснусь, плотоядно мурча при этом и постукивая лапой по щеке.

Это меня разозлило еще больше. Кое-как столкнула с себя тринадцать килограммов рыжего «счастья» цвета дохлого попугая и пошла умываться.

– Роман, доброе утро! – крикнула громко, пока шла по коридору первого этажа, чтобы узнать, в ванной он сейчас или нет.

Не зайти бы туда в самый неподходящий момент...

Однако, молчок. В доме тихо как на кладбище.

Контрольный стук в двери ванной комнаты, и я просунула туда голову. Нет там Романа.

Пока сидела в туалете, услышала, как хлопнула входная дверь, а затем топот. Роман вернулся. Наверное, уже успел сделать то, что пообещал вчера.

– Дарья, завтракать!

– Иду! Я в ванной.

Переоделась в свою одежду и вышла к нему.

Роман на кухне, варит кофе. Все по привычной схеме, как и вчера, вроде бы. Только Роман хмурый и расстроенный сегодня, и на нем не футболка и штаны, а синие джинсы и свитер под горло довольно толстой вязки асфальтового цвета с серебристым отливом.

На столе две яичницы с помидорами, булочки, полосатые сосиски, запеченные на гриле и выпуклый здоровенный пакет с тканевыми вставками. Он занимал половину стола.

– Доброе утро, Дарья. – с полным безразличием начал Роман, когда я присела на табурет, который облюбовала еще вчера. – Пока ты дрыхла, я все успел сделать. Машина твоя под домом стоит, рабочая и готовая к отбытию. Шуба вон, рядом с тобой, примерь, понравится такая или нет. Брал на свой вкус, потому и сомневаюсь. Размер твой вроде прощупал, но не исключая, что мог ошибиться в расчётах. Консультантка твоей комплекции попала, но в плечах немного поуже. Если эта шуба не подойдет по цвету или фасону, поменяем сразу же, чтобы она не валялась без дела. Я хочу, чтобы ты носила ее с удовольствием.

– Очень рада, что все удалось.

Настолько оскорбилась его безразличным тембром и явным намеком, чтобы я освободила дом как можно быстрее, что даже не заглянула в пакет с шубой. Сделала вид, что мне тоже все равно, а на самом деле внутри меня кто-то один очень весело сигал сейчас, а кто-то другой начал плакать то ли счастья, то ли от обиды. Но я ж не могу показать, насколько счастлива получить такой подарок и не могу устроить Роману скандал с истерикой типа «почему ты так относишься ко мне, я этого не заслужила», потому как знаю, что сама виновата в том, что между нами пробежала черная кошка.

Да и не пришел Роман вчера, раззадорил меня на любовные игры на пару с Барсиком и смылся с поля видимости. Он-то успокоился, пока лопатой прытко орудовал, на снегу оторвался, а мне пришлось несладко. Полночи терлась об одеяло, которое пропустила между ног. И меня трусит до сих пор, и злоба берет, и знаю, что меня утихомирят только одно. То, от чего я отказалась вчера и чего Роман второй раз не предложил.

Сейчас поем и поеду домой. А лучше это сделать немедленно.

– Ладно, мне пора.

– Что, прям так сразу? Даже не позавтракаешь? И не посмотришь, что за шуба в пакете?

– Я спешу. – схватила пакет и резво направилась в коридор.

– У меня не хочешь остаться еще на денек? Чем не угодил, хоть скажи. Прямо скажи, как есть. – Роман, прислонившись к стене и спрятав руки в карманы джинсов, с издевкой наблюдал за тем, как я одеваюсь.

– Не хочу. Вот мой ответ. – рыкнула я, наспех застегивая пальто.

– Как хочешь.

Обулась и, нервно дернув головой, я открыла дверь и поспешила покинуть обитель Романа.

– Эй, Варвара-краса! Или Маша-растеряша. Как тебе больше нравится... – крикнул Роман, когда я почти дошла до ворот. – Ключи от машины не нужны? Без них поедешь, рассеянная мадемуазель?

Пришлось вернуться. Вот я тупизень!

Только я подошла к Роману, он замахнулся и выбросил мои ключи за ворота.

– Жаль, не словила. Позвонишь, как доедешь. – и захлопнул дверь перед моим носом.

Роман тоже обиделся на меня. Я и сама не знаю, почему так себя повела. Но и он, козлина, поступил не лучше! А если я не найду ключей? Роман на то и рассчитывает, небось, что я снова приползу и попрошусь к нему с ночевкой. Этому не бывать.

Отыскав ключи, благо, они угодили не в сугроб, а на дорогу, я вернулась к видеозвонку, под которым висела табличка «Быков Р.Я.». Только услышала голос Романа и вопрос о том, что я забыла, я показала Роману комбинацию из трех пальцев, а на среднем висели ключи, и пошла к авто.

Пока прогревала машину, вытащила из пакета шубу и не смогла сдержать эмоционального экстаза. Ахнула в диком восторге, иначе и выразить мое состояние было нельзя, только руки легли на мягкую пятнистую шерсть.

А когда добрались до ценника, я громко и восторженно матюкнулась, причем несколько раз подряд. Шубу, по всей видимости, длиной чуть выше колена, за бешеную цену, равную стоимости моей новой машины, в те недавние времена, когда я ее брала, мне бы никто никогда бы не подарил.

Роман, хоть и сволочь, заставившая меня унижаться ползая по улице в поисках брелка, но... Он двойная сволочь, раз оставил на подарке ценник. Он дал понять, что теперь я ему осталась должна. Либо все гораздо проще, ведь он не знал, подойдет мне шуба или нет. Но, ради чего бы Роман так не сделал, все равно я могла ему сказать спасибо, ведь это совсем не трудно. А теперь он посчитает, что у меня к нему сугубо потребительское отношение. Все стало еще хуже, чем было вчера.

– Ну ничего себе! – мама чуть не упала на ровном месте, увидев меня в пушистой обновке. – Да это же рысь! Ты знаешь, сколько стоит шуба из рыси? Неужто второй кредит взяла на радостях, что потенциальный муж на горизонте появился?

А в квартире стоит умопомрачительный запах моей любимой еды. Курочка в духовке печется с картошечкой. Обожаю это дело с детства. Лучше курочки с картошкой может быть только мамина курочка с картошкой. Интересно, в честь чего мама вдруг решила приготовить блюдо, которое обычно делает на праздники?

– Это подарок. – без всяких эмоций отвечала я. Устала очень: напряженная дорога и бесконечная печаль сильно измотали. – Знаю, сколько стоит. Ценник тут тоже имеется, в капюшоне. Хочешь, посмотри. Роман не сделал из этого тайны, ублюдок.

– Так, сейчас ты по губам получишь за такое обращение к Ромке. Вот еще, колбаса деловая нашлась, да бракованная, недокрученная попалась... Ей подарки муж такие царские дарит, а она полощет его в отместку на чём свет стоит. – мама погладила мех на рукавах и взвизг-

нула, будто он ее укусил. – Охренеть! А ну-ка повертись, погляжу получше. Ой, а капюшон какой шикарный! Слов нет! Отпад, и только! Вот это ты удачно в гости съездила. В следующий раз, как поедешь к нему, меня возьми. Мне б хоть норочку захудалую надо или шиншиллу, а то, сама знаешь, мой допотопный кролик вот-вот разлезется на первоначальные тушки, из которых когда-то был собран. Стыдно в таком тряпье на свадьбе появляться. Люба небось вся царевной нарядится, а я, считай, как бомжик приду и буду замуж дочь единственную отдавать в таком виде. Не порядок.

– Бери и езжай к нему сама, когда приспичит. Я туда больше ни ногой. А где Арина?

– В садике она. А где Ромка? Чего не зашел? Думала, вы вместе приедете.

– В Краснодаре твой Ромка. Потому и не зашел.

– А почему это он мой? – мама поставила руки на талию и хмуро вытаращилась на меня, ожидая более оригинального, а главное, адекватного ответа, который, разумеется, даже если и получит, то забракует как идиотский. – Так, все ясно, снова детство в твоей попе заиграло. Опять чем-то не довольна, а чем, у себя не уточнила. Пошла б спросила на улице у кого-нибудь, если сама не знаешь. А ну-ка снимай рысь, не достояна ты ее, раз мина такая кислая, а я заберу. Буду носить и радоваться тому, какой щедрый у меня зятек. В магазин собираюсь как раз, хлеба два куска осталось. И это... из садика Арину заберу в ней же. Ты не против?

– Считай, что шуба твоя. Мне чужого не надо. Ни добра, ни худа. Сама себя обеспечу всем необходимым.

Мама сейчас, наверняка, подумает, что я вредничаю, но на самом деле мне за несколько часов непрерывных думок стало очень стыдно за то, что я забрала шубу. Не только за то, что молча, а за то, что я вообще ее забрала. Я не хочу, чтобы Роман думал, будто я не продаюсь всем подряд, но активно себя рекламирую и выбираю сама, кто меня купит. А пока те покупатели толпятся возле меня и бросают всякие ценности в фонд благотворительной помощи мне как матери-одиночке, а я сижу на добытом добре и испытываю от этого наслаждение, думая, что я незаменима и все кругом меня любят. А я снова и снова даю ему понять именно так. Но я не такая. Мне ничего не надо от других и от него. Кроме него.

– Ох, какие мы гордые птицы... Ишь, как закудахтали, когда шубки полетели в твои ручки за красивые глазки и дочь, которая получилась спонтанно! – мама заглянула в капюшон и обнаружила там то, от чего несколько часов назад обалдела и я. – Это что, цена??? Да он с ума сошел столько денег на тебя, дурную, спускать! Дарья, даже не вздумай его отталкивать после этого!

– Я и не так еще заговорю, и сделаю. И звонить ему не стану. И вообще больше не буду с ним поддерживать никакого общения.

– А что такого ужасного Ромка сделал, что ты так к нему? Ничего? Или шубу подарил вместо того, что матом накрыть, как его братец?

Мама наседает на меня, а мне сказать-то и нечего в ответ. Что сделал Роман? Все для того, чтобы я чувствовала себя комфортно, постарался он хорошо, даже слишком: помог мне в чужом городе, предоставил кров и не дал умереть от холода и голода. А я его оттолкнула вместо самой простой благодарности. Ни за что не отблагодарила. Завалилась к нему домой без приглашения и предупреждения, и обслуживай меня, царевну, по высшему разряду, готовь мне, покупай шампуни, массируй, развлекай. А я не пожалела гадости, чтобы отплатить за его гостеприимство и радушие, и обидела его дважды с особой легкостью, даже не постеснялась и не подумала, каково ему было это принимать. А еще сказала, что не хочу быть с ним.

Так что плохого мне сделал Роман, что я так взъелась на него? А Роман взял и выбросил мои ключи со злости, но перед этим починил мою машину и купил шубу. Такого маме точно не надо говорить.

– Дура ты, Дарья. Вот что я тебе скажу, как мать. Сама же побежала к нему на ночь глядя, и сама убежала, как только он тебя пригласил. Не так пригласил? Странная ты. Определись

уже, пока в старых девах не прописалась на ПМЖ. Небось, и Ромка сейчас сидит и думает, что ты идиотка, и уже сомневается, стоит ли на тебе жениться. Он вполне может найти себе женщину умнее тебя во сто раз, если не в тысячу. Пара должна чему-то учиться друг у друга – так я всегда говорила и буду продолжать говорить, пока тебе не втемяшится хоть малая толика материнских наставлений. Ромка мужик не глупый, а с тобой он будет только деградировать. Так что, либо меняйся сама, либо он от тебя откажется. На одной постели далеко не уедешь, вот уж поверь, да и красота не вечная. Ты хоть спасибо ему сказала за шубу?

– Нет, и не собираюсь.

– Ну и дура. Как найдет он себе другую, вот тогда ты начнешь локти кусать и метаться взад-вперед, потому что профукаешь свое счастье. Будешь в дверь закрытую ломиться, а он и не подумает тебя впустить. Дочь у него есть, ей все и достанется, а ты, как была, так и останешься голодранкой без имени и мужа. Попомни мои слова, так все и случится, и довольно скоро. Кстати, Люба как-то говорила, что у него помолвка сорвалась из-за Арины.

– Какая еще помолвка?

Вот так новости... Роман мог жениться на ком-то, но тут появилась я с дочкой и испортила его планы? Либо это мама моя на понт меня берет?

– А спроси Ромку сама. Я не собираюсь быть испорченным телефоном. Если тебе надо, тогда возьмишь и узнаешь.

Мама стащила с меня шубу, набросила себе на плечи и принялась восхищенно охать перед зеркалом, изучая себя.

– Хороша ты, Светка, ой, как хороша... Глядишь, и муж тебе сыщется, и папашка для дочки твоей дурной, если будешь в шубке по людным местам щеголять. Наденешь сережки с лазуритом, бобину на голове закрутишь, каблучки на ножки, и стремглав за хлебушком в самый дальний магазин. А Таньку так вообще от зависти удар хватит. Дарья, не жди меня рано. Я по делам, и вернусь нескоро.

– А я на работу. До вечера. – развернулась и открыла входную дверь. Не хочу быть здесь. Даже курочка любимая не остановит и не убедит в обратном.

– Голая пойдешь, что ли?

– Нет, я пальто в машине оставила. Пока, мам.

– Позвони ему, Дарья. Позвони. Будь умницей. Послушай маму. – сказала она напоследок.

Пока ехала до офиса, умудрилась несколько раз поплакать. Тяжко мне без Романа, не хочу быть в этом городе, если он находится в другом и не говорит со мной, а я не слышу его. Не хочу идти туда, где его нет. Но и бегать за ним не стану.

О том, что уже вечер, и до конца работы оставалось всего лишь полтора часа, я сообразила только когда доехала до пункта назначения. Посидев недолго в машине, я посчитала, что идти на работу нет никакого смысла. Меня там никто не ждет.

В Краснодар бы опять махнуть, а нельзя... Но и домой совсем не хочется. Все вокруг скучно, серо как-то: улицы, люди – все не такое. Даже в квартире неуютно стало. Увидела я другую жизнь, чужую и противоположную моей, и та жизнь мне понравилась, а теперь не хочется возвращаться в старую и унылую, но привычную.

У Романа было хорошо и с ним было хорошо...

Сколько раз мне нужно с этим согласиться, чтобы вернуть все, как было вчера днем?

Зря я уехала. Может, позвонить ему? Нет, пусть сам звонит. В конце концов, Роман должен хотя бы побеспокоиться, доехала ли я. А если он этого не сделает, тогда я буду знать наверняка, что так он поступил в отместку за мое молчание после воскресения. Я не позвонила ему, но зато взяла и приехала через три дня. Сегодня только четверг, знакомство отца и дочери должно состояться в воскресенье. Как раз три дня. И что мне даст это наблюдение, если Роман поступит также эгоистично, как я? Ничего.

Черт, как же хочется к нему, аж сил нет брыкаться! Ну почему я сейчас сижу в своей гребаной машине, вместо того, чтобы лежать на его мягком облаке-диване? Почему я не нахожусь в его объятиях, а сижу за этим чертовым рулем?

Ну зачем я уехала? Идиотка...

Гляжу в окно, с тоской грызу ноготь, убеждая себя не делать новых глупостей и не решать все с бухты-барашки. Только бы сдержаться и не рвануть обратно в Краснодар... А если Роман возьмет и женится, пока я буду обиженную из себя строить и ждать, когда он сделает шаг навстречу? И снова я в тупике, и снова толком ни о чем не знаю. Ни в себе не могу разобраться, ни в других. Где правда, а где ложь, перестала различать. Знаю только то, что мне сможет помочь всего один человек.

«Приезжай хотя бы в воскресенье, Роман. Очень тебя прошу. И не женись ни на ком другом. Я лучше нее, правда.» – мысленно послала ему такое вот незатейливое, но очень искреннее сообщение, идущее от сердца, и поехала в садик. Заберу Аришу пораньше. Она моя отдушина. И единственная, в которой я вижу Романа. Арина только и поможет мне преодолеть ту прихоть мчать к нему ежесекундно.

Я так хочу и не хочу, и ничего не могу с собой поделать, но понимаю, что должна решить, куда сворачивать на своем жизненном пути. Я ведь не одна иду по тому пути, со мной рядом и другие люди. Я обязана отпустить их, либо взять за руку и предложить идти вместе со мной. Я влюбилась, тут и сомнений нет. Не знала, что такое любить раньше, и подумать не могла, как это бывает и что это не проходит. Не настолько важен секс или подарки, или что-то другое, как само осознание того, что любимый человек тебя обнимает. Он тоже тебя любит, он близко, ты чувствуешь его запах, его руки, которые дарят тепло... Вот что самое главное. Остальное приложится: богатства наживаются, дети рождаются. Это не настолько важно. Любить важно, ценить важно и не терять по пустякам. Не за подарки или красивые слова любить, а просто человек есть, и за это его любить. За волшебные мгновения, когда он рядом.

Сама себя терзаю и не даю успокоиться вместо того, чтобы быть счастливой, любить и находиться с человеком, который мне дорог. С тем, который мне реально дорог. А мне предлагали это, и не раз.

Роман не как все. Роман другой. Он мой. Просто мой и просто нужен мне, потому что он такой, какой есть. Для меня он есть давно, восемь лет как думаю о нем. Неважно, что думала раньше. Куда важнее, кто он для меня сейчас. Смогу ли я жить без него, смогу ли проснуться и, направляясь из спальни в ванную, созерцать пустую стену вместо его портрета, к которому давно привыкла? Нет. И что я сделаю для того, чтобы его удержать? Ничего.

Мама права, я полная дура, для которой путь в никуда протоптан в противовес непролазным дебрям к компромиссу и счастливому будущему. Транспарант «старая дева» мне в руки, и вперед покорять низы одинокой старости. Либо унизиться сейчас и показать перед Романом свою слабость. А это придется сделать не один раз. Я всегда буду унижаться перед ним, мельтешить, не иметь своего мнения только потому, что он не признает кого-то, кто сильнее его и пытается подавить. Что мне стоит сейчас поехать к Роману, встать перед ним на колени и попросить прощения?

Пока что я вижу только два варианта, как поступить. Какой из них лучше?

Пойду-ка я куплю ватман и красный маркер. Напишу на нем, что я старая дева. Но извиняться и ползать у мужчины в ногах не стану.

Глава 7

Роман.

После неудачно состоявшегося свидания в воскресенье я упорно ожидал хоть какой-то мизерный намек на то, что Дарья больше не держит на меня зла и обид, и теперь лед тронется. Ничего при этом не предпринимал, чтобы растопить лед, никаких путей наладить связи с Дарьей не искал, ни граммuleчки не поспособствовал тому, чтобы судьба с ее чудесами неожиданно-негаданно повернулась ко мне передом, а не тем выпуклым местом, что я регулярно наблюдаю в течение лет десяти, как минимум.

И что в итоге я получил этим, никому не нужным отсиживанием и отмалчиванием? Ни звонка от Дарьи, ни сообщения, даже знака вопроса не прислала или точку. Ни ответа, ни привет, как говорится, я не заслужил. Спросила она пару раз у моей матери, правда, где я и почему отсутствую на фирме, и на этом ее беспокойство методично закончилось. А про тот вечер, когда я кое-как, в полуобмороке и с одним открытым глазом преодолел четыреста километров в пургу, и подавно не спросила. Как я тут, выжил ли, а может копыта отбросил, Дарью, к сожалению, не интересовало, от слова, совсем. Потому я и запретил матери распространяться о том, где я и что со мной.

Обидно, конечно. Да, я плохо с ней обошелся когда-то давно, признаю это и не отнекиваюсь. Но ведь Дарья сама мне намеки кидает без конца, чтобы я приставал и не унимался, и чтобы перед ней отплясывал с бубном, напрочь лишившись трезвого рассудка. Нравится ей так, да ради Бога, попляшу, ведь это того стоит. Я на все готов, лишь бы она сжалась и перестала видеть во мне врага.

Когда она разок заявила, что ненавидит меня, это заявление непередаваемо как шокировало. По большей части, из-за того, что Арина очень похожа на меня. Потом, некоторое время понаблюдав за Дарьей и ее переменчивостью во взглядах, я понял, что верить ее словам незачем, ведь то, что Дарья говорит, как правило, по большей части расходится с делом. Дочь она нашу любит, а это значит, что она не может ненавидеть меня. Я просто уверен в этом. Но при этом Дарья воюет сама с собой. Наверное, ей стыдно думать, что такой урод, как я, может остаться в ее сердце, и если не уже, то когда-нибудь точно там обоснуюсь. Надеюсь на сердце, а вот другие части ее тела, хоть и великолепного и до одури манящего, не так важны для меня. Вряд ли мне все это светит цельным набором, как я думал. Максимум, на что смогу Дарью уломать, так это разовый секс, и то накачать ее придется перед этим до состояния полного отключения мозгов.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, почему Дарья не проявила ни малейшей заинтересованности ко мне после того случая. Ей хотелось узнать, что со мной, но она стеснялась. А я все равно ждал, когда она решится и переступит через грань стеснения. Она стесняется того, что испытывает ко мне, и это вполне логично. Меня же долго не отпускало то ощущение, когда она легонько и несмело обняла меня, когда в снегу с ней стояли на коленях и когда я ее успокаивал. Приятно мне было. Конечно, щупать Дарью в немного ином контексте тоже по-своему приятно, хоть и крайне мучительно, потому что приходится держаться в узде, чтобы хуже не сделать. Но принять знак внимания от нее было для меня чудом, подаренным даже не самой Дарьей, а кем-то свыше. Стоял с ней, держал ее крепко, гладил, а сам радовался тому, что чувствую ее, и она не противится. Да и плевать было на то, как я выгляжу и насколько все было запущено. И потом было плевать, откроется ли у меня глаз или вытек уже, поскольку тот как опух и закрылся еще в машине, так и не хотел открываться еще пару дней.

Главное, я смог до нее достучаться и надеялся, что теперь она начнет воспринимать меня иначе. Она преодолела страх и открылась мне. А это значит, что у меня появился шанс стать к ней ближе.

А Дарья поступила своенравно: камушки свои оставила в салоне и упорхнула. Я думал, она просто шипеть умеет и огрызаться, а на деле оказалось, она та еще пронырливая канарейка в боксерских перчатках. Если верить приметам, Дарья обязательно прилетит обратно, раз оставила у меня то, что принадлежит ей.

Возможно, она ждала первого звонка от меня, но я, как бы не мечтал ускорить момент нашей встречи, не решался этого сделать. Тревожить ее попросту не хотел и навязываться тоже. Пусть посидит, подумает, на что идет и что дам ей я, как только мы станем законными супругами.

Брак мне необходим не только из-за Арины, о которой я думал и думаю день и ночь. Я вижу, что Дарье лучше, когда она находится со мной рядом, а не когда ее кто-то другой пытается тащить в свой мир, непонятный ей и совсем ненужный. И оттого, что ее тащат туда, она чахнет и пытается забиться в угол, чтобы ее не трогали. Она знает, что ей нужно, где-то под коркой это есть. Ей просто никто не дает думать и поступать так, как ей надо. А кто-то другой постоянно маячит между ней и мной... и других этих слишком много развелось, пора бы начинать их отсеивать.

Еще вопрос с Женей надо решить по-хорошему, чтобы он понял и отвязался от нее. Он не знает, что у нас с Дарьей есть дочь, и не узнает об этом до тех пор, пока Дарья живет не со мной. Пока я не могу ее защитить, находясь далеко, придется молчать и мне, и другим, особо болтливым бабушкам затыкать рты, иначе случится страшная беда.

Женя, конечно, отойдет от той правды быстро, но перед тем уничтожит Дарью, и это в лучшем случае. Он не признает слово «изнасиловать» и никогда его не поймет. Для него существует только понятие «взять», а грубо или нежно, зависит от обстоятельств. Сам же мне предлагал выбрать любую, какая приглянется и заставить ее быть со мной, и не нужно для того каких-то особых ухаживаний или слов. Все до банальности просто: увидел, захотел, схватил и понес.

Знаю я давно, что за братом моим грешки, так сказать, рукоприкладные водятся; не раз видел его побитых бабенок, которые получают тумаков, но все равно продолжают за ним бегать, а он чешет об них руки с поводом и без. Несметное количество телок, получающих вовсе не ласку, окружают Женю, как султана, а он гарем себе развел и довольствуется каждой по очереди: то унизит, то оближет, то побьет, то полюбит... Все зависит от его расположения духа и с какой ноги он встал с утра.

Удивляет тот факт, что Дарья с Женей несколько месяцев продержалась в отношениях и не убежала, и он ее не выбросил и ни разу не показался в истинной красе, не считая сцены истерики в ее квартире. Даже замуж ее позвал. Значит, чем-то Дарья отличается от других его женщин, об которых ему более привычно вытирать ноги, нежели сказать приятное слово, и Женя просто так не отвяжется.

А мне-то что с того? Не захочет сам, так я ему помогу. Не признаю брата своим конкурентом никогда и ни за что, а вот бывший муж Дарьи может кое-где наследить как раз перед тем моментом, как Дарья будет принадлежать мне на законных основаниях.

Быстрее бы жениться и забрать Дарью с Ариной к себе, тогда и наступит спокойное время, уж я об этом позабочусь. Но как приблизить это время, если я далеко от Дарьи и не знаю, какие еще пути следует искать в моем случае. Поступком своим, искавшим мораль и нравственность, как отражение человека уродует кривое зеркало, я сам себя загнал в рамки «ни шагу в сторону», из которых не вылезти так просто, чтобы их не разломать, но и прекращать движение для меня означает смерть.

Только одна надежда и остается, что Дарья простит меня за все. Простит и придет сама. Но снизойдет ли это хоть когда-нибудь? Я не знаю, но буду стараться, чтобы этот момент наступил до моей кончины. Желательно бы...

Разумеется, я не рассчитывал на заботу со стороны Дарьи или на какие-то кардинальные изменения наших с ней отношений в ускоренном темпе после того вечера. Да и после свадьбы не особо надеялся, что она даст доступ к своему телу и душе. Но помечтать-то об этом можно. Мечтать я люблю. Никто не запретит, тем более, то, что есть в моей голове, так и останется в моей голове. Вот и буду представлять себе, что у нас с Дарьей вполне нормальные отношения, хоть то, что происходит между нами сейчас, назвать отношения можно, но с большой натяжкой, при этом закрыв глаза и махнув рукой на очевидную ложь.

Я не из тех людей, кто берется за дело, не зная, чего следует ожидать впоследствии, да и в моем возрасте рисковать всем уже глупо. Но я решился и женюсь на той, которую совершенно не знаю. Помню лишь, какая она наощупь и как с ней хорошо. Чутье подсказывает, что я поступаю правильно. Но то, что Дарья ветреная и непостоянная, меня коробит, как мужчину, который, в принципе, не признает измен и никогда не пойдет на это сам.

Мотается Дарья от одного к другому, туда-сюда, туда-сюда. Разве такую женщину я ждал? Видимо, верные женщины не созданы для меня. Одно радует, Дарья хотя бы не встала в позу и не восприняла мое предложение о браке в штыки, а я был готов к тому. Понимает, что я ее буду обеспечивать с огромным удовольствием и никогда не прогоню.

Ну и где здесь чувства? Снова те же грабли, что и с Вероникой...

А мне же кажется, что я не зря притормозил перед Дарьей восемь лет назад. Запала та девка мне в душу, и вот уже сколько времени, как живет там. Я ее нарисовал такой, о какой мечтал, потому как не знал, какая она есть на самом деле. Мы ведь незнакомы с ней были. Только и знал, что ее зовут Дарья.

Чувства к ней грели мое сердце годами, и потому я не хотел и не мог переключаться ни на кого другого. Зачем мне кто-то, если у меня есть та, которая живет со мной, и пусть внутри, но она же есть. Зачем мне другая, если есть она? Я не хочу и не буду изменять, это подло. Пробовал отвлечься чем-то другим, увлекался науками, углублялся во всякие мелочи касательно работы, но не выкинуть ее и не забыть. Она стала частью меня.

До сих не могу устаканить в голове, что та самая мадам, из-за которой я давно потерял покой во снах, вернулась в мои будни, и это спустя восемь лет пустоты и одиночества.

Вспоминая снова и снова нашу встречу в прошлом году, когда Дарья вошла в кабинет с отчетом, меня пронизывает то чувство, которое никак нельзя ассоциировать с агрессией. Скорее, обидой за то неосязаемое, чего я бы хотел от нее получить и чего она мне не даст, как бы я не просил. Не могу быть уверен, что никогда, но пока что точно рассчитывать на позитивную отдачу с ее стороны глупо.

Понимаю, что Дарья поступила правильно, выместив на мне зло и ни в коем разе не осуждаю ее. Я не помнил, что говорил ей тогда, восемь лет назад, потому что и себя толком не помнил, настолько был пьян. А она взяла и напомнила все в подробностях. Это было больно и стыдно слышать.

Я прежде никому не говорил подобных гадостей, а в тот раз как будто не я это был, а кто-то другой вместо меня. Не помнил, да. Но я-то знаю, что сделал. Как не пытались меня убедить психиатры в том, что это всего лишь плод моего воображения, я знал, что совершил. Молча кивал психиатрам, делая вид, что соглашаюсь с ними, а на самом деле стоял на своем. Не мираж то был вовсе.

Виноват я, и дочь моя единственная и, судя по всему, последняя – тому главное подтверждение. Обидно, что Арина получилась именно так. Но лучше уж так, чем никак. Думаю, Дарья со мной в этом солидарна, хоть и натерпелась тогда, да так, что до сих пор отойти не может.

Знаю, что виноват именно я, и нет мне прощения, но ведь Дарья дала мне зеленый свет после всего, если уж разбирать ситуацию по косточкам. Она не сказала о том, простила ли меня, но я чувствую, что близок к этому. Был бы еще ближе сейчас, если бы не одно «но» – она вывела меня из игры в самый важный момент. И то некое обстоятельство, так некстати

оборвавшее мои дальнейшие планы, много чего подпортило, и по причине его я с каждым днем отдаляюсь от них обеих.

Отдушина тому безумному ожиданию, которое связало мои старания по рукам и ногам, посетила меня во вторник вечером.

Мама позвонила тем вечером и сказала, что Арина сейчас у нее. Рядом с ней моя дочка сидит, к бабушке в гости пришла, альбом с моими фотографиями смотрят.

Я тут же попросил передать ей трубку, хоть и не был готов к первому в жизни разговору с дочкой. Но раз такой шанс мне предоставлен самой судьбой, не имею права его упустить.

– Привет, Арина. – выдал я с нарастающим волнением в голосе.

– Здравствуйте, а кто вы?

Елки-палки... Да папа я твой... Папа я! Но как сказать об этом, чтобы было правильно, и чтобы Арина не бросила трубку? Мне стыдно ужасно, что я столько лет не знал о дочери, не видел, как она растет, и понимаю, что она вполне может обижаться на меня за это. Я не хотел, чтобы у моего ребенка была травма и ощущение брошенности, и не допустил бы этого никогда, и все бы отдал сейчас, чтобы получить возможность вернуться на восемь лет назад. Но я действительно не мог предугадать, что она есть. Я бы сел в тюрьму и вышел бы, скорее всего, только сейчас, и не факт, что Дарья подпустила бы Арину ко мне. Но я бы знал хотя бы, что она есть. Жаль, что время не повернуть вспять. Но все поправимо. Уверен.

Держусь молодцом для нее, а сам чуть ли не плачу от счастья. Нет, кажется, я плачу. Я реально плачу! Слезы сами по себе текут, не могу их остановить, а главное, не хочу и не стану.

Доченька моя родная... Я говорю с дочкой! Господи, спасибо тебе за такой подарок! Это самое лучшее, что произошло в моей жизни! Да, я не видел тебя, дочь, не нянчил, не радовался твоему первому шагу, но слышал первого слова, никогда не обнимал тебя и не держал на руках. Боже, сколько же я упустил... Обязательно наверстаю!

Слышу ее тонкий, напоминающий писк резинового утенка, но не по годам серьезный голосок. Деловой подход у нее от меня. Моя ты родная! Я не могу говорить спокойно. Дочку свою слышу! Впервые в жизни слышу! Боже, я с ума сойду сейчас! Как бы сдержать эмоции, чтобы ее не расстроить? Что Арина подумает обо мне, если ее папа разнылся по телефону, а теперь сидит и шмыгает, кое-как отвечая ребенку дрожащим голосом... Надо бы успокоиться.

Мама моя подсказывает ей, папа, мол, твой на проводе сейчас. Я слышу это и даже дышать не хочу, чтобы не упустить ни единого слова дочери.

– Папа Валера? Это правда вы?

Папа Валера?

И тут я запнулся. Удивился, не солгу. Но объяснять, что я не Валера и распинаться, что никогда им не был, не стал. Не время для этого. Какая разница, Валера или не Валера? Хоть Бонифацем, хоть Леопольдом буду, только бы слышать родную дочь постоянно. Это мой ребенок. Мой ребенок! Господи, я отец! Завтра же пойду в собор и отблагодарю тебя за счастье! Я-то думал, что ты меня наказываешь, а ты меня вознаградил. Видимо, выстрадал я все отведенное на трудном жизненном пути, а теперь настало белое время, и ты сжалился, открыв мне глаза. Наказал тем, что утаил, и спустя семь лет, дал мне смысл жить. И это счастье, пока я жив, уже не закончится и не уйдет.

– Я, доченька. Это я, папа твой. Прости меня, что не нашел тебя раньше. Расскажи хоть, как ты там? Как дела твои?

Я молча и очень внимательно слушал то, о чем говорила Арина. Она рассказывала мне, как живет, в каких отношениях с мамой, бабушкой, дядей Колей и дядей Женей. Чувствую, что дочь рада, что я появился; она изредка смеется, но так задорно у нее выходит, что я и сам не перестаю улыбаться, хоть и реву, как девчонка, но беззвучно.

Вот бы увидеть ее улыбку сейчас. Жаль, что по видеосвязи у нас не получится пообщаться. А причина тому – моя рожа, вся в синяках, ссадинах и шрамах, которую я мажу не переставая, а толк от того есть, но малый.

Спасибо тебе, Дарья, и за дочь, и за то, что не даешь с ней увидеться... Да и дело не только в том, что Дарья очень хорошо постаралась отдалить наше с Ариной знакомство, а потому я медлю. Я и сам решился сводить шрамы, что мешают показаться перед ребенком. Не хочу, чтобы Арина меня испугалась. Но проблема заключается в том, что это дело не одного дня; потребуется несколько сеансов лазерной терапии, чтобы шрамы, более-менее, но все-таки стали незаметными. Время для этого нужно, а его снова нет. Хотя что-то смогу за эту неделю успеть, а уже на следующей буду действовать по ускоренной программе.

– Прости, милая, но я не смогу приехать и в воскресенье. Но обещаю, что на следующей неделе мы обязательно свидимся. Скажи, что тебе принести, какой подарок? В понедельник к тебе приду домой. Хорошо?

– Хорошо. Я подожду, а вы ничего не несите. Выздоровливайте и приходите к нам. Я вам рисунки свои покажу! Мама тоже по вам скучает и очень обрадуется. Купите ей розы, она очень их любит.

– Куплю, конечно. Арин, можно тебя попросить кое о чем? Не говори маме, что я звонил, ладно? Я позвоню твоей бабушке завтра, чтобы с тобой снова поговорить, и буду звонить каждый день. Пусть это останется нашей маленькой тайной. А то мама будет ругаться, что ее никто не спросил, а мы тут сами без нее такое дело ответственное проворачиваем. Мы ее потом удивим все вместе, и ей будет очень приятно.

– Я не скажу. Обещаю. Только и вы не уходите больше служить. Пообещайте, что не уйдете, даже если вас позовут.

– Никогда не уйду, клянусь, чем хочешь. Более того, скоро вы с мамой переедете ко мне. Люблю тебя и целую очень крепко и считаю дни до нашей встречи. И ты считай, пять их осталось. Только не обижайся на меня больше, и в понедельник я...

И тут мама перехватывает трубку, что-то шепотом мне тараторит и сразу отключается. Понимаю, что в этот момент в комнату зашла Дарья и что она точно не была в курсе того, что мы только что провернули за ее спиной.

Прождав какое-то время и не получив от нее гневного сообщения и звонка, я окончательно убедился в том, что мы не спалились. Все прошло гладко.

Дело сделано, первый разговор с Ариной состоялся. Осталось только выбрать удобное для нее время и звонить лишь в тот момент, когда Дарья будет на работе и перед тем, как она забирает дочь из садика или дома творчества. Может, с моей стороны подло и своенравно так поступать с матерью моей дочери, но пусть лучше она об этом не знает. Пока что не знает...

В который раз убеждаюсь в том очевидном, что женщине не нужно все рассказывать. Надо недоговаривать и умалчивать о главном до поры до времени. Это, в конечном итоге, пройдя все круги ада и скандалов ни о чем, обернется в пользу мужчины, и женщина поймет тот незаковыристый мотив молчания.

Я же как оптимист-новичок, постепенно привыкаю надеяться на лучшее и только лучшее. Не ради себя стараюсь, не ради Дарьи. У меня есть, кому отдавать все хорошее, что осталось во мне и что останется после меня. У меня есть дочь и вот-вот будет жена. Самому не верится! Я самый счастливый человек на этой планете и не устану об этом говорить себе каждое утро, когда буду подходить к зеркалу и смотреться в свое, прежде ненавистное отражение.

А в среду меня ожидало двойное счастье или несчастье, тогда еще не знал, чем кончится все это, а потому и поступил опрометчиво, позабыл, чем чревата доброта. Дарья решила сделать сюрприз и свалилась на меня, как снег на голову в середине знойного лета – так же

нежданно и слишком хорошо, чтобы быть правдой. Не мог нарадоваться тому, что она решилась простить меня.

Сама пришла. Пришла и осталась. Вела себя непринужденно, смеялась, не возражала, что я перед ней и так и сяк кочевряжился. Даже намек дала на то, что хочет, чтобы мы с ней перешли на другой уровень общения, максимально тесный. И вроде бы желание наше обоюдно с виду было. И зачем только Дарья дала так думать и позволила ее раздеть, если оттолкнула в тот момент, когда я почти в нее вошел? Думает, мне легко так просто взять и остыть. Нет, не легко. И ей этого не понять.

Думал я, гадал, что мог сделать не так, и пришел к выводу, что мало ей было визуального контакта. Связь я с ней потерял, пока сосредоточенно занимался ее тисканьем, а думал, что сделаю этим только лучше, чтобы она лишний раз не кривилась при виде моего шрама, потому и предложил закрыть глаза и свет немного притушил. Ну и зря я так сделал. Ей нужно в глаза мне глядеть, и тогда все получится. А нужно ли ей это?

Посмотрю, что скажет она в понедельник, и позвонит ли сама до того дня. Если нет, тогда я меняю тактику и, действуя в обход Дарье и ее капризам, логичность которых никак не разгадать и не предугадать, когда ее бзик случится в очередной раз и по какой причине, налаживаю контакт с Ариной. Арине это нужно так же, как и мне. И плевать, захочет того Дарья или нет, надоело тянуть время и ждать, когда она там что-то надумает и сопоставит. Я не доживу до того заветного дня, когда Дарья согласится меня принять как мужа, а не как кошелек, вечно ей обязанный за то, что она родила от меня ребенка. Цацки цацками, но ведь счастье не в цацках, а в понимании. Компромиссы нужно искать, и тогда будет все хорошо.

Ну тварь она неблагодарная, да еще какая мстительная, понял я в четверг утром, когда Дарья смылась, и ни «спасибо», ни «пока», ни «пошел ты» не сказала. Фыркнула себе под нос что-то, что показалось ей остроумным, хвостом махнула и пошла. А мне ли жаловаться, ведь такую я сам выбрал. Ничего уже не изменить. Моя будущая жена стерва, которая выходит за меня из-за денег. И последняя в этой жизни. Так уж я решил. Вот потому и не жалеюсь. Перевоспитаю голубушку, и никаких любовников не потерплю, и ей не дам даже думать о других. Некогда станет, я ей покажу с огромным удовольствием, от чего она отказывалась, и она поймет, что зря.

В этот раз не будет так, как было с Вероникой. Дарья внутри совсем на нее не похожа, но ежовые рукавицы мне все-таки надо доставать из дальнего ящика и шлепать ее первое время. Уверен, так и придется сделать. Ну что ж, немного поболит попа ее, зато эффект появится. Шелковой Дарья у меня будет, и даже знаю, когда именно, потому что в этот раз я возьмусь за нее основательно и уже не отпущу.

Быстрее бы приступить к заветному... Понедельник, ну почему ты не завтра? Так и хотелось позвонить Дарье и сказать, чтобы прощалась со своими заскоками, потому что с понедельника у нее начнется другая жизнь, с которой ей придется смириться. Еле удержался, чтобы не позвонить. Не буду пока что подтрунивать над ней и злить. Она же успеет подготовиться и вставить мне очередные палки в колеса. Пусть мой ход в игре, за которым неизбежно последует «шах и мат» станет для Дарьи большим сюрпризом, который в корне изменит ее пассивное существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.